ТИСАТО АБЭ

18+

Ворон из пустого гроба

Японское фэнтези. Ятагарасу

Тисато Абэ

Ворон из пустого гроба

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.521-312.9
ББК 84(5Япо)-44

Абэ Т.

Ворон из пустого гроба / Т. Абэ — «Издательство АСТ», 2015 — (Японское фэнтези. Ятагарасу)

ISBN 978-5-17-151619-2

Прошел год после нападения на земли Ямаути обезьян-людоедов. Множество молодых людей, стремясь защитить свою родину, поступает в Кэйсоин, учебное заведение, которое готовит Ямаути-сю — личную гвардию дома Сокэ. Повинуясь воле молодого господина, воспитанником академии становится и его бывший паж Юкия. Он должен не только стать телохранителем, но и найти новых сторонников для хозяина, ведь совсем скоро тот станет правителем. Однако восхождение Надзукихико на трон внезапно откладывается: кажется, ему не хватает кое-каких качеств, которыми должен обладать Золотой Ворон. Никто не сомневается в новом нападении обезьян, поэтому как юным воинам, так и их будущему правителю надо успеть подготовиться к вторжению.

УДК 821.521-312.9
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-151619-2

© Абэ Т., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Словарь страны Ямаути 6
Схема взаимоотношений персонажей 7
Из «Истории храмов страны Ямаути» 9
Предисловие 10
Глава первая 15
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Тисато Абэ
Ворон из пустого гроба

KUUKAN NO KARASU
Chisato Abe
Copyright © ABE Chisato 2015. All rights reserved.
Originally published in Japan by Bungeishunju Ltd., in 2015
Cover illustration by NATSUKI
© Румак Н. Г., перевод на русский язык, 2022
© ООО «Издательство АСТ», ООО «Реанимедиа ЛТД.», 2023
Дизайн обложки Екатерины Климовой

* * *

Словарь страны Ямаути

Ямаути

Мир, по преданию созданный горным божеством Ямагами-сама. Управляет этой страной род Сокэ, его старейшина зовется Золотым Вороном. А власть над землями в разных ее частях поделили между собой четыре аристократических семейства – Восточный, Западный, Южный и Северный дома.

Ятагарасу

Обитатели мира Ямаути. Вылупляются из яиц, могут обращаться в птиц, но обычно предпочитают человеческий облик. Аристократов, особенно тех, что живут в Тюо, называют «мия-карасу», что значит «благородный ворон», торговцев – «сато-карасу», то есть воронами-поселенцами, а простой народ из провинции, который работает в поле и занимается ремеслом, – «яма-карасу», горными воронами.

Дворец Сёёгу

Дом молодого господина – сына правителя из Главного дома и наследника престола, который станет следующим Золотым Вороном. Сёёгу связан с центром двора – тронным залом, где вершится политика.

Дворец Окагу

Подобно тому как в Токагу живут супруга и наложницы правителя, в Окагу поселяют претенденток на звание жены наследника – дочерей влиятельных аристократов, таким образом представив их ко двору. Обычно ту, на которую наследник обратит свой взор, выбирают ему в супруги. Получив титул госпожи Сакуры, она управляет дворцом.

Таниай

Теневое сообщество, где разрешены веселые кварталы и игорные дома. Полностью самостоятельная организация, существующая отдельно от легального мира, но при этом подчиняется установленным правилам.

Ямаути-сю

Личная гвардия дома Сокэ. Кандидаты в высшие военные чины проходят суровое обучение в академии Кэйсоин, и лишь те, кто продемонстрировал выдающиеся успехи, получают статус телохранителей.

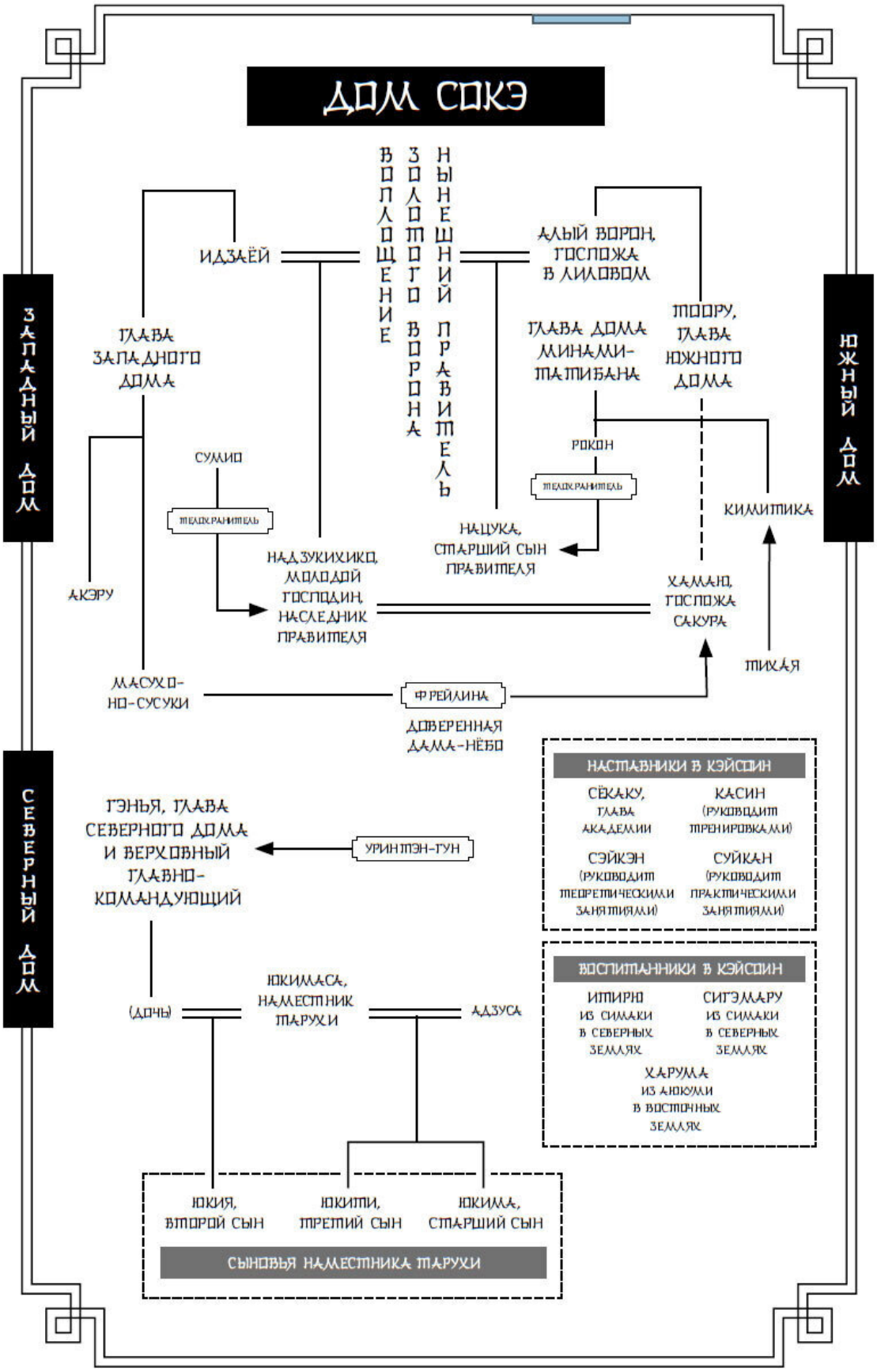
Кэйсоин

Академия, где обучают Ямаути-сю. Юношей принимают сюда на воспитание, после чего они продвигаются в обучении, последовательно получая статусы «семечек», «побегов» и «стволов».

Уринтэн-гун

Войско под командованием главы Северного дома, созданное для защиты Тюо. Иногда его также называют «Ханэ-но-хаяси», Лесом крыльев.

Схема взаимоотношений персонажей



Из «Истории храмов страны Ямаути»

«Сказано в чужеземных книгах[1]:

“В ураган увидишь сильную траву, в мороз заметишь упорный ствол, в бурю узреешь спокойную гору”.

Лишь когда дует ураган, можно распознать крепкий побег, что не сломается.

Лишь когда ударяет мороз, можно распознать крепкое дерево, что не засохнет.

Лишь когда налетает буря, можно распознать крепкую гору, что не рухнет.

В мирные времена многие настойчиво заявляют, будто верны господину, но в смуту немногие проявляют свою верность на деле.

Лишь в трудные времена найдутся сильные подданные, верно и преданно служащие правителю.

И поэтому я нарекаю это место, где будут обучаться верные и преданные люди, Кэйсоин – академией сильной травы».

Из «Истории храмов страны Ямаути», глава о том, как Кэйсоин получила имя от Золотого Ворона.

[1] Здесь действительно частично цитируются составленные в V в. китайские хроники Хоу Ханьшу («История империи Поздняя Хань»), охватывающие историю государства Хань с 25 по 200 гг. н. э.

Предисловие

– Слыхали? Говорят, в этом году к нам поступит какой-то жуткий монстр.

Сегодня в академии ожидали новичков.

– Что еще за монстр?

– В смысле искусный боец?

Парнишка повернулся к озадаченным товарищам.

– Не знаю, но слышал, он сынок какой-то шишки. Выше него по рождению в академии никого нет, это точно.

– Конечно. – Вздох понимания пронесся над беспорядочной группкой столиков с едой. – Так вот почему ребята из Тюо так заволновались!

– Еще бы! Расслабятся – и могут попрощаться со своим статусом.

– Да даже если не расслабятся, теперь чванство им не поможет. И были-то не слишком способные, только прикрывались происхождением. А если появится новичок лучше их, то уже им придется гоняться за его расположением.

– Что за ерунда! – бросил Итирю возбужденным однокурсникам. Ему тоже было интересно послушать о «жутком монстре», но такие глупости звучали уж совсем нелепо.

– Ты чего, Итирю? – обернулся его друг, заметив презрение в тихом голосе, но Итирю только фыркнул.

– Насколько я понял, парень просто из знатного рода. И что в этом жуткого? Чушь какая-то. Мы же воины! – Он строго взглянул каждому в лицо. – Какой бы хорошей ни была твоя семья, если ты не владеешь мечом, говорить не о чем. Глупо шуметь, пока мы не увидели, на что он способен в зале.

Академия Кэйсоин, где обучались Итирю и его товарищи, готовила Ямаути-сю, телохранителей для дома Сокэ. Золотой Ворон, повелитель всех ятагарасу, жил в недрах горы Тюо, и там же находился двор. И пока верховный главнокомандующий со своей армией Уринтэн-гун защищал мир и спокойствие в столице, именно Ямаути-сю оберегали семью правителя и подчинялись ему напрямую.

Ямаути-сю состояли из отборных воинов и сильно отличались от остальных. Разумеется, элитные гвардейцы пользовались широкими полномочиями и сначала должны пройти суровое обучение в Кэйсоин. Считалось, что для поступления туда достаточно сообразительности и находчивости, а происхождение не имело значения, но, похоже, все давно было не так. И Итирю раздражало, что однокурсники слишком уж увлеклись, обсуждая родовитость новичка, однако те только вытаращили глаза так, будто увидели говорящего пса.

– Что это он? Может, на прогулке съел не то?

– Не-не-не, он надеется показаться умным сэмпаем[2] перед новичками, вот и тренируется. Ведите себя как следует, – зашептались вокруг, не скрываясь от Итирю.

– Знаете что?! – Парень привстал, но юноша, начавший разговор, поднял обе руки, точно останавливая его.

– Да ладно тебе, Итирю, остынь. Я ведь и сам не стал бы называть человека монстром только из-за его высокого происхождения. Есть и другие причины. – Он многозначительно улыбнулся. – Представляешь, говорят, он служил пажом молодого господина!

– Пажом молодого господина?!

– Правда?!

– Вот это да! – воскликнули вокруг другие ребята, выпучив глаза.

Молодой господин – это наследник престола, которому предстоит взять на себя управление Ямаути. И его паж вполне может когда-нибудь обрести власть при дворе как приближенный Золотого Ворона. Нет сомнений, что этого «монстра» ожидают самые радужные перспективы в Ямаути.

– А все-таки странно. Почему тогда его не взяли сразу ко двору, зачем ему в Кэйсоин? – недоумевал один из ребят, и Итирю нахмурился.

По системе теневых рангов положение чиновника зависело от его происхождения. И конечно, если бы молодому господину приглянулся кто-то недостаточно родовитый, он отправил бы его в Кэйсоин, чтобы законно продвинуть по службе. Но откуда же слухи об очень знатном роде «монстра»?

– Может, наследник решил, что паж слишком хорош и заслуживает лучшего, чем ему дает система теневых рангов?

– Так ведь он рискует не доучиться в Кэйсоин, даже если поступит.

Воспитанники, прекрасно знавшие суровость здешнего обучения, переглянулись.

– Вообще ничего не понятно. Он слишком замечательный только на фоне аристократа из Тюо?

– Но если слухи верны и вдобавок к высокому происхождению он еще и умеет драться, тогда парень точно монстр.

– Короче, главное – чтобы не оказался мерзким подлецом.

Ребята расшумелись, а Итирю, наоборот, затих и переваривал услышанное. Выходец из аристократического семейства, паж молодого господина… со своей родословной мог бы сразу получить пост при дворе, но решил поступить в Кэйсоин.

Перед Итирю с легким хлопком всплыло лицо одного мальчика. Неужели это он? Да нет! Он встряхнул головой, и заносчивое лицо со злобной ухмылкой исчезло. Тот ведь тогда точно сказал: «В Кэйсоин не пойду и в Тюо служить не буду!» Потому-то Итирю сам пошел в Кэйсоин.

Чтобы избавиться от нехорошего предчувствия, юноша быстро доел остатки риса из плошки.

Группа ребят вышла из столовой и зашагала в зал. Еще не закончились весенние каникулы, так что утреннюю тренировку можно было пропустить. Ребята собрались здесь по своей воле, немного поработали и направились из зала к умывальне, чтобы смыть пот. Один из тех, кто вышел первым, крикнул:

– Эй, новичок приехал!

Итирю и другие закричали:

– Ого!

---

[2] Сэмпай (*яп.*) – старший, более опытный товарищ, который обязан присматривать за кохаями, младшими ребятами или коллегами, и помогать им. В то же время кохаи должны беспрекословно подчиняться сэмпаям и выполнять их поручения.

– Так рано!

– Неужели правда новичок?

– Похоже на то. Да еще и на колеснице!

Колесницы, влекомые по небу конями, разрешались только высшим аристократам. Кажется, правда прилетел тот самый «монстр», о котором говорили с раннего утра.

Ребята наперегонки побежали смотреть, а Итирю, охваченный неприятным предчувствием, еле волочил потяжелевшие ноги. Когда он доплелся до места, друзья уже облепили азалии, наблюдая за вновь прибывшим.

– Ясно. Нагрянул пораньше, чтобы затащить вещи.

– Ты смотри, сколько у него всего! Я вот с одним узелком поступал!

– Еще и комнату ему дали самую новую!

– Наверное, учителя расстарались.

Слушая наполовину насмешливые, наполовину завистливые слова друзей, Итирю про себя присвистнул. Насколько он знал, его знакомый «монстр» не отличался любовью к роскоши.

С опаской разглядев через головы товарищей «монстра», прежде всего он заметил гордо расправленные плечи под полностью распустившейся сакурой. В утренних лучах солнца ярко сверкали великолепные одежды – расшитая белым узором темно-красная ткань. Юноша стоял спиной к воспитанникам, широко расставив ноги, давая слугам указания и размахивая при этом веером светло-лилового цвета с переливами и узорами из золотой фольги. Его блестящие рыжеватые волосы были аккуратно расчесаны, а когда он обернулся на голос слуги, Итирю показалось, что таких правильных черт лица он еще ни у кого не видел.

Кожа молодого человека под лучами восходящего солнца напоминала белые лепестки только что раскрывшегося пиона. Огромные глаза сверкали подобно чистому источнику в свете дня. Черты лица его были мягкими, будто у девочки, но сжатые губы и густые брови говорили о том, что эта красота не означает покорности. По мальчику видно, что он решителен, упрям и очень уверен в себе; он не просто красив, в нем чувствовалось что-то притягательное.

Если бы здесь оказался придворный поэт, при виде такой красоты он не удержался бы и сложил пару-тройку строф. Но Итирю было совершенно наплевать на внешность новичка. Он с облегчением вздохнул, потому что этот «бывший паж молодого господина» оказался вовсе не тем, о ком он подумал.

«Как хорошо, что это не он!»

При этой мысли все его мрачные предчувствия улетучились, будто их и не было.

Товарищи Итирю, разглядев мальчика, начали перешептываться:

– Вот это мордашка!

– Конечно! У аристократов-то в наложницах сплошь красавицы!

– Вот бы он носом вниз грохнулся!

Итирю отвернулся от болтунов уже в хорошем настроении.

* * *

Ополоснувшись, он направился в свою комнату. Их распределили по-новому. Второй корпус, десятая комната. Она станет его крепостью на ближайший год.

Воспитанникам Кэйсоин в течение трех лет – с первого по последний год – приходилось держать три экзамена.

В старой книге, которую знали в Ямаути все, говорилось: «Лишь когда дует ураган, можно распознать крепкий побег, что не сломается. Лишь когда ударит мороз, можно распознать крепкое дерево, что не засохнет. Лишь когда налетит буря, можно распознать крепкую гору, что не рухнет».

Только при сильном ветре найдешь траву с мощным стеблем и только в сильный мороз найдешь дерево с прочной древесиной. Так и при встрече с настоящими трудностями понимаешь, кто действительно силен. Опираясь на эту мудрость, три экзамена в Кэйсоин называли «испытание ветром», «испытание морозом» и «испытание бурей».

Воспитанники-первогодки – это малыши-горошки, семечки. Они всего лишь семена, еще не давшие ростков. Но если они выдержат «испытание ветром» в конце года, то взойдут и станут «побегами», а еще через год, после «испытания морозом», – «крепкими стволами». Однако подобно тому, как в природе из множества проросших семян лишь считаные побеги превратятся во взрослые деревья, звание «крепких стволов» получат очень редкие воспитанники. Мало того, последнее «испытание бурей» было самым сложным из всех экзаменов, и в Ямаути-сю попадали только те, кто показывал лучшие результаты.

Из «семечек», «побегов» и «стволов» лишь последним предоставляли отдельные комнаты, а до тех пор приходилось тесниться с двумя другими воспитанниками. Обычно к одному «побегу», главному по комнате, подселяли двух учеников-«семечек», и тот, следя за кохаями, заодно руководил ими, вбивая в них азбуку жизни в академии.

«Семечкам» такая совместная жизнь давалась тяжело. Почти половина первогодков так и не «прорастала» – не только из-за непростого «испытания ветром», но и из-за проблем в отношениях. Итирю был из тех, кому удалось поладить с сэмпаями, однако и ему приходилось нелегко. Став второкурсником, он ужасно радовался, что можно не бояться потревожить старшего по комнате, и с нетерпением ждал появления своих кохаев. Услышав утром, что он якобы просто «надеется показаться умным сэмпаем», Итирю разозлился, хотя в глубине души действительно чувствовал себя именно так.

Вот-вот придут знакомиться новенькие, с которыми ему предстоит жить. На самом деле он очень волновался, но сел за стол в глубине комнаты, чтобы хоть чуть-чуть придать себе важный вид. И вот снаружи зашумели, и из соседних комнат послышались напряженные голоса мальчиков.

Итирю не терпелось увидеть будущих соседей. Наконец он услышал, как кто-то встал перед дверью.

– Прошу прощения, Сэмпай из десятой комнаты, вы уже здесь?

Голос звучный, будто кто-то по ту сторону пришел сражаться со школой-конкурентом. Итирю ожидал от новичка смущения и волнения, поэтому удивился.

– Входи, – разрешил он.

– Позвольте войти!

В тот же миг дверь резко отодвинулась в сторону[3], и весь проход занял гигант, похожий на огромного монаха из легенд и сказок. Не обращая внимания на изумленного Итирю, великан уже собрался шагнуть внутрь, но треснулся лбом о притолоку. Поморщившись от боли, он смущенно улыбнулся и не спеша опустился перед Итирю на колени.

– Разрешите представиться. Я Сигэмару, буду жить с вами в десятой комнате. Прошу любить и жаловать.

Он наклонил голову, но Итирю все равно приходилось смотреть на него снизу вверх – такой Сигэмару был крупный.

Загоревшее лицо дышало здоровьем, мохнатые толстые брови напоминали больших гусениц. Круглый нос картошкой, черные зрачки – такие черты легко могли напугать, но великан выглядел добродушно. Он был похож на медведя, лишенного своей свирепости, так что парнишка казался приятным.

– Тебе сколько лет?

– Через два месяца восемнадцать.

[3] В японских комнатах двери раздвижные, ходят в пазах, а не открываются внутрь или наружу.

– Восемнадцать?!

В Кэйсоин принимали только мальчиков от пятнадцати до семнадцати полных лет. Большинство детей аристократов поступали пораньше, как только достигали нужного возраста, уже позже приходили ребята в основном из простого народа.

Сам Итирю был из провинциальной знати, поэтому стал «семечком» в пятнадцать и теперь неожиданно получил кохая старше и крупнее себя. Идеальный образ сэмпая, который приветствует новичка красивыми словами, лопнул с треском. Он представлял себе более наивного первогодка, хотя, к счастью, ощутил в Сигэмару почтение к старшему.

– Так, ну… – Тут Итирю спохватился, что еще не представился сам. – А, точно! Я Итирю, «побег». Год будем с тобой жить в одной комнате, так что прошу любить и жаловать.

Сигэмару беспечно ответил:

– А я знаю. Я же из Симаки, так что много слышал об уважаемом третьем сыне наместника. Вы так выросли, мы гордимся вами!

Земляк, значит. Так еще сложнее.

Итирю не знал, что ответить, но вдруг Сигэмару обернулся:

– Ты ведь тоже его знаешь?

Только сейчас Итирю заметил еще одного новичка, которого скрывало огромное тело великана. Тот был довольно мелкий, и Итирю выпрямился, чтобы выглядеть внушительнее.

Но тут прозвучал ужасно знакомый голос:

– Конечно. Не просто знаю, а сказал бы даже, что мы с Итирю друзья детства. Хотя теперь он сэмпай, а я кохай, и делать что хочу уже нельзя. И все же я рад, что смогу доверять соседу по комнате.

И он весело рассмеялся. Этот смех вызвал воспоминания, которые хотелось бы забыть, да не получится. Невыносимая боль и нескончаемая брань. Все то же улыбающееся лицо и пронзительный хохот сумасшедшего. Из-за спины Сигэмару выглянул самый страшный кошмар Итирю. Рыжеватая мягкая челка, невыразительные, неприметные черты. Лицо безобидное, но характер выдают хитро сверкающие жуткие глаза.

– Давно не виделись, Итирю. Рад снова встретить тебя, я Юкия из Тарухи. Прошу любить и жаловать.

Услышав эти слова, сказанные со сверкающей улыбкой, Итирю застонал.

Глава первая
Сигэмару

– Прошу прощения! – Высокий звонкий голос раздался в передней.

Я перевел взгляд на распахнутую дверь: там застыла маленькая тень, которую со спины освещало солнце.

– Здравствуй. Тебе чего?

Незнакомый мальчик лет семи. Наверное, заблудился. Я подошел к ребенку, но тот вдруг поник и вцепился в подол своего кимоно.

– Я… у меня… для хозяина…

– Что для хозяина?

Кажется, моя крупная фигура напугала его. Спустившись к входу[4], я сел на корточки, чтобы посмотреть гостю в глаза. Словно решившись, мальчик поднял взгляд.

– У меня посылка для хозяина. Но его нет дома, позвольте мне подождать здесь.

Видимо, родители прислали и научили, что говорить. Забавно видеть, как малыш старательно повторяет слова взрослых.

– Конечно, подожди. А ты что, посыльный? Откуда пришел?

Похоже, мальчик понял, что перед ним не злодей, и с его лица пропало напряжение.

– Я из нижней усадьбы.

– А-а, из нижней усадьбы? И один добрался? Какой молодец!

Нижней усадьбой называли большой старый дом недалеко от поселка, у старого тракта. И хотя оттуда вела всего одна дорога, с тамошними жителями почти не общались, и ребенку проделать такой путь было не так-то легко.

– Я половину пролетел.

– Вот это да! Ты и летать уже умеешь?

– Совсем чуть-чуть.

– Все равно молодец! Меня зовут Сигэмару. А тебя?

– Эйта.

Пока я говорил с застенчивым мальчишкой, раздался топот ног и с улицы вбежали младшие братья.

– Братец Сигэ, у нас гости?

---

[4] Вход в японский дом обычно находится на уровне земли, но дальше пол повышается ступенькой, поэтому, входя в дом, из передней «поднимаются», а выходя в переднюю к двери – «спускаются».

– Я его не знаю!

Мальчики-ровесники тут же познакомились. Пока маленький посланник поджидал хозяина, ребятня развлекалась игрой в прятки, запускала волчок – в общем, не скучала. Выполнив поручение, Эйта собрался уходить. Он с грустью прощался с новыми друзьями, и я подарил ему волчок.

– Ух ты, этот гораздо лучше, чем прежние!

– Вот это повезло! Братец Сигэ делает отличные волчки, береги его!

– Это мне?!

Глаза мальчишки заметно засверкали, но он все-таки сделал вид, что колеблется: мол, действительно ли можно принять такой подарок? Я прыснул от такой скромности, какой давно не видел у братьев и местных сорванцов.

– Чего стесняешься? Ты для первого раза неплохо играл. Вот до следующей нашей встречи потренируйся.

– До следующей встречи? – пискнул мальчик.

– Конечно! – радостно зашумели братишки.

– Ты ведь заглянешь опять, если захочешь?

– Мы ж не навсегда расстаемся, приходи еще играть!

– И приноси волчок, устроим соревнование!

Услышав это, Эйта радостно засмеялся и закивал.

– Ну, до встречи. Ждем тебя снова.

– Обязательно!

– Хорошо. До свидания!

Солнце уже клонилось к закату. Я наблюдал, как маленькая фигурка зашагала к своему дому, то и дело оборачиваясь.

Это был первый и последний раз, когда я видел Эйту.

* * *

Наступило ясное свежее утро. Весеннее небо нежно голубело, предвещая замечательный день, как нельзя более подходящий для вступления во взрослую жизнь. Солнце ярко светило, а внизу раскинулась в полном расцвете сакура, сверкая, будто вспененное белое облако.

Ворон летел, наслаждаясь красотой лепестков под собой, и вдруг заметил, как по склону взбираются пешком фигурки людей. Почти сразу же он разглядел в небе и всадников на конях. Те направлялись к огромным зданиям на склоне, окруженным высокой стеной. Эта стена поражала своими размерами, а вся группа строений напоминала храм. Перед воротами – видимо, это был главный вход – находилась площадка, и на нее уже приземлились чьи-то кони.

«Значит, там».

Сигэмару направил клюв к площадке и заскользил по воздуху, словно обнимая его обоими крыльями. Приземляясь, он напрягся, как пружина, и превратился из огромного ворона в человека. Крылья и три ноги с острыми когтями подняли мелкую пыль, но спустя миг стали мощными руками и ногами цвета спелой пшеницы. Юноша согнулся, а затем потянулся, будто проверяя свое крепкое мускулистое тело. Потом взял в руки сверток, принесенный в клюве.

Отлично. Он поднял голову: вокруг стояли мальчишки, круглыми глазами глядя, как с неба спустился великан. Наверное, будущие однокурсники, с которыми следующие три года ему предстоит делить кров и пищу. Он вопросительно посмотрел на них – не желаете ли что-то сказать, – но те, придя в себя, отвернулись и быстро зашагали прочь.

За воротами, куда шли ребята, у длинных столов разместились взрослые и, судя по всему, записывали вновь прибывших. Великан тоже приблизился, но не успел ничего сказать, как у него бойко спросили:

– Рекомендация есть?

– Вот.

– Ты кто и откуда?

– Меня зовут Сигэмару, я из Симаки.

– Рекомендации от наместника и начальника подготовительных курсов получены.

Распорядитель просмотрел документы Сигэмару и что-то записал у себя на листке красными чернилами.

– Так, сначала найди свою комнату. Там тебя ждет сэмпай, он все покажет и скажет, что делать дальше.

Когда Сигэмару уже потянулся за листком с надписью «Второй корпус, десятая комната», ему улыбнулись и удивленно добавили:

– А ты смелый, раз прилетел к воротам в облике птицы.

Сигэмару растерялся.

– Что-то не так?

– Да нет, все хорошо. Это не запрещено… Но благородные будут смеяться, – шепотом предупредил распорядитель и протянул листок. – Вороны из провинции пока не знают местных порядков, а вот аристократы из Тюо наверняка осведомлены. Мы не станем мешать, если ты делаешь это сознательно, просто имей в виду.

Сигэмару не понял, что ему надо иметь в виду, но почувствовал, что человек перед ним тревожится о нем. Он поблагодарил и отправился в свой корпус.

И правда, вокруг шагали с сумками мальчики в цветных одеждах.

Сигэмару и его племя ятагарасу умеют свободно принимать два обличья: человеческое и птичье. Однако чтобы обратиться в ворона, им нужны черные одежды уэ. Хозяин создавал свое уэ силой мысли, так что оно становилось продолжением его тела и превращалось в перья, следуя его воле. Другие наряды человек заранее снимал, чтобы в них не запутались крылья. Ятагарасу могли постоянно ходить в уэ, если не могли позволить себе кимоно из льна или шелка, но все-таки среди воспитанников Кэйсоин, похоже, таких было немного.

Кажется, не успел Сигэмару поступить в академию, как уже заявил о себе не самым лучшим образом. Почесывая затылок, он вдруг заметил среди синих и коричневых одежд фигурку в таком же, как у него, лаково-черном одеянии. Точно, это новичок в уэ! Сигэмару подскочил к нему и легонько похлопал по спине.

– Привет! Ты тоже из провинции?

Чуть не упав от толчка, парень резко обернулся. Оба были почти одного возраста, но новый знакомый выглядел совсем уж мелким. Скорее всего, от неожиданности при виде Сигэмару тот застыл с открытым ртом. Смотрелся он глупо, и Сигэмару показалось, что перед ним совсем еще мальчик.

– Не смотри, что я такой большой, я тоже тут первый день. Приехал из северных земель и не знаю, как все устроено здесь, в Тюо. Если ты тоже деревенский, давай держаться вместе, будем две деревенщины.

Серьезно посмотрев на Сигэмару, мальчик улыбнулся:

– Какая неожиданная встреча. Я тоже из северных земель.

– Правда? Я из Симаки.

– А я из Тарухи. Соседи.

Вежливый паренек представился Юкией. Глядя на его спокойное лицо, Сигэмару решил, что мальчишка он неплохой. К тому же когда они сравнили свои листочки, решив дойти до корпусов вместе, то к своему удивлению узнали, что еще и жить будут оба в десятой комнате второго корпуса.

– Мы и живем вдвоем!

– Это судьба! Прошу любить и жаловать, – поклонился мальчик, и Сигэмару ответил тем же.

Рассказывая друг другу о себе, они прошли между рядами учебных зданий и добрались до жилых корпусов. Сигэмару первым нашел нужную комнату и подал голос. Сэмпай тоже оказался им уже знаком, поэтому Сигэмару решил, что ему повезло.

К худу или к добру, но Итирю был современным молодым человеком. В детстве он слыл довольно нелюдимым, да еще и одевался странно, поэтому односельчане о нем беспокоились. Однако в Кэйсоин мальчик стал примерным воспитанником академии. Конечно, смотрел он грозно и говорил сердито, и все же Сигэмару знал о его прямодушии.

«Похоже, в ближайший год можно не волноваться о проблемах с соседями по комнате», – с тайным облегчением вздохнул великан.

Однако увидев Юкию, Итирю мгновенно изменился в лице.

– Откуда ты здесь взялся? Ты же говорил, что не собираешься в Кэйсоин! – завопил он.

– Обстоятельства изменились, – ухмыльнулся Юкия все с тем же спокойным лицом.

Переводя взгляд с одного на другого, Сигэмару недоумевал:

– Вы чего? Между вами что-то произошло?

– Не волнуйся, – пока Итирю кривился, тут же с улыбкой ответил Юкия, не дав приятелю вставить ни слова. – Мы с детства знакомы. Пару-тройку раз ссорились по пустякам, с кем не бывает. Мы же не дети, чтобы из-за этого злобу таить.

Юкия взглянул на Итирю, как будто требуя подтверждения. Тот на миг застыл.

– Э-э… ну, да. Кто же будет из-за давних проказ точить зуб на другого. Кто старое помянет… – закивал он энергично, и Юкия улыбнулся еще шире.

– Но и фамильярничать я не собираюсь. «Побег» Итирю, стань моим наставником!

Увидев, как Юкия склонил перед ним голову, Итирю решил, что настал конец света.

– Ну… ладно. Будем друзьями, – кое-как выдавил он из себя.

Глаза его почему-то напоминали глаза выброшенной на сушу рыбы. Он явно упал духом, и Сигэмару начал волноваться, но успокоился, когда сэмпай повел ребят посмотреть академию.

– Подъем с восходом, – на ходу и с каким-то отчаянием рассказывал Итирю об академии. – По утрам, в начале и конце занятий звонит колокол в башне. Если жить по колоколу, без еды не останетесь. Иногда случаются «налеты» – вот тут не зевай.

– Налеты?

– Срочный сбор, когда имитируется что-то неожиданное, например нападение на Кэйсоин. Тревогу могут забить и когда идут занятия, и во время сна. Тогда надо хватать только кадзё и бежать на площадку перед большим лекционным залом.

– А что такое «кадзё»?

– А вот что. – С шуршанием распустив алый шнурок, Итирю вытащил висевший на поясе меч.

Ребята попросили дать им рассмотреть его и заметили, что он легче, чем кажется. Ножны были покрыты черным воском, а неброский орнамент выглядел великолепно.

– Похож на настоящий, но на самом деле это искусно вырезанный бамбуковый меч. Вам тоже скоро такие выдадут. Они означают, что вы учитесь в Кэйсоин. У «стволов» они украшены черными камнями, у «побегов» – белыми. У вас должны быть зеленые. Всегда держите мечи при себе и не теряйте, что бы ни случилось.

Кадзё полагалось возвращать в Кэйсоин, когда воспитанник заканчивал обучение, а потерявших меч тут же изгоняли из академии.

– В день последнего экзамена те, кто сумел стать Ямаути-сю, получают вместо кадзё настоящее оружие.

Мальчики поблагодарили и отдали меч Итирю. Он привычным движением вернул его на прежнее место.

– Сразу после подъема проходит утренняя тренировка. Затем – завтрак. Завтрак и обед нам готовят, мы только сдвигаем столы вместе. После еды их нужно убрать, в столовой остаются «семечки», расставляют парты рядами и продолжают учиться. С утра всегда лекции, а после обеда почти сплошь тренировки. Зал убирают те, кто занимался последним, готовить ужин помогают дежурные, а дежурят комнатами по очереди. В начале месяца у входа в столовую вывесят график. Если никаких вечерних тренировок нет, занятий после ужина не бывает. Однако если вы спросите: «Неужели в это время ничего не надо делать?» – то нет. На лекциях дают массу заданий. Пока не привыкнешь, все силы будут уходить на них, так что даже поспать некогда. Хотя в свободное время можете ходить на уроки по оружию или посещать занятия в группах, которые проводят другие воспитанники.

Итирю показал младшим товарищам и самый большой лекционный зал в Кэйсоин. Они вошли в огромное помещение с дощатым полом. В самой глубине за бамбуковым занавесом стоял большой алтарь в честь горного божества Ямагами. Множество колонн поддерживали потолок, такой высокий, что приходилось задирать голову, чтобы его разглядеть. И с этой высоты до самого пола ниспадал огромный золотой балдахин.

Говорят, когда-то Кэйсоин была храмом, посвященным божеству Ямагами. Поэтому и лекционный, и спортивный залы, где теперь шли занятия, выделялись особым великолепием. И оттого довольно обширной была территория с прудом и участком горного леса для упражнений.

Итирю до заката водил Сигэмару и Юкию, показывая Кэйсоин, и к ужину они вернулись в уже переполненную столовую. В углу стояла большая кадка со свежесваренным рисом, а рядом – железная кастрюля с шариками из куриного фарша и готовыми овощами. Следом за Итирю Сигэмару и Юкия взяли сложенные у стены столы и посуду и набрали еды. Затем нашли местечко среди оживленной толпы воспитанников, уселись втроем в кружок и с молитвой принялись за еду.

Мясные шарики оказались сочными, а бульон с золотистыми пятнами жира – наваристым от изобилия ингредиентов. Было так вкусно, что невозможно остановиться. Конечно, ведь ребята прилетели в Кэйсоин на собственных крыльях и проголодались, поэтому Сигэмару самозабвенно уплетал ужин.

Когда они убирали столы на место, появились крупные сэмпаи – видимо, «стволы» – с бутылками саке и ароматными свертками. Похоже, здесь принято праздновать поступление новичков, поэтому сэмпаи специально купили выпивку и угощение. Кое-кто из первогодков предложил свою помощь, однако сэмпаи сами занялись подготовкой. Подзывая смущенных ребят, «стволы» расспрашивали их, а «побеги» шустро раздавали саке и закуску.

Убедившись, что у каждого в руках есть по чашечке саке, один из «стволов» вышел вперед.

– Новички, поздравляем вас с поступлением в академию. Мы вас приветствуем. С завтрашнего дня вам некогда будет веселиться, поэтому насладитесь атмосферой Кэйсоин сейчас.

– Если напьетесь, завтра будет тяжело, так что поаккуратнее, кто без привычки.

– Да ладно, здесь столько саке нет, чтобы напиться!

– Ну-ну, не будем сейчас об этом. Пейте, сколько пьется.

Сидевшие за столом «стволы» перебивали оратора шутками, но присутствующие хором перекричали их: «Кампай!» – и все поднесли чарки к губам. Сигэмару залпом осушил свою и завел веселую беседу с соседями, но тут новичков заставили рассказать о себе.

Многие были еще трезвы или чуть-чуть захмелели, некоторые сразу покраснели, и единицы уже лыка не вязали. За выпивкой общение завязалось легче: ребята по очереди со смехом называли свои имена и рассказывали, откуда и как попали в академию. Затем каждый кланялся и возвращался на место.

– Меня зовут Юкия, я буду жить в десятой комнате второго корпуса. Приехал из Тарухи, что в северных землях, – без особого напряжения заговорил сосед Сигэмару. – Мой дядя когда-то служил в Ямаути-сю, так что я с детства наслышан об ужасах жизни в Кэйсоин. Не уверен, справлюсь ли с занятиями, но очень постараюсь. Об остальном умолчу.

Сносное приветствие. Под недружные хлопки юноша уже собирался сесть, но вдруг кто-то произнес:

– А ну, подожди. Не хочешь сказать нам, зачем поступил в Кэйсоин? – произнес рыжеватый мальчик.

Сигэмару взглянул на него и не удержался от восклицания. Его лицо было очень красивым – в провинции такие нечасто встретишь. Сигэмару восхищенно разглядывал его, будто увидел редкого зверя, но Юкия, ничуть не удивившись, повернулся к пареньку.

– Никакой особой причины нет. Просто подумал, что хорошо бы стать отличным Ямаути-сю и защищать Ямаути.

– Защищать Ямаути? И это все? – переспросил мальчик, и его очаровательные черты исказились недоверием.

Юкия посмотрел на упорного собеседника и медленно моргнул.

– Прости, а ты кто?

– Меня зовут Акэру, я из основной ветви Западного дома.

Когда рыжий красавчик представился, по столовой пролетел шепот: «Это он!»

Даже деревенщина Сигэмару понимал, насколько родовитый перед ним аристократ.

Землями Ямаути управляли четыре аристократических дома: Восточный, Южный, Западный и Северный. Считалось, что эти четыре рода начались с детей первого Золотого Ворона и с тех пор власть при дворе принадлежит потомкам той или иной семьи. Акэру был сыном главной ветви Западного дома, что делало его одним из самых знатных людей в Ямаути.

– Так это ты тот самый любимчик Его Высочества молодого господина? – внезапно раздался откровенно насмешливый голос.

Сигэмару посмотрел в его сторону: там с важным видом сидел сэмпай в окружении прихлебателей. Этот «побег» не соизволил даже помочь однокурсникам, когда готовился банкет. Его орлиный нос правильной формы, казалось, был вылеплен специально. Черты лица, не столь красивые, как у Акэру, тем не менее выдавали в нем аристократа. Плечами шире, ростом выше других «побегов», с длинными руками и ногами, лицом и фигурой он выделялся среди прочих, но, видя его презрительное отношение к окружающим, никто не хотел иметь с ним дело.

– А ты кто такой? – с подозрением спросил Акэру.

Сэмпай с вызовом сверкнул глазами:

– А я Кимитика из дома Минами-Татибана.

Услышав это, Акэру понимающе кивнул и прищурился, глядя на Кимитику.

– Наслышан о тебе.

– Не знаю уж, чего ты там наслушался, но здесь я твой сэмпай. Так что не забывай об этом, когда будешь открывать рот.

С этими словами Кимитика встал, выпятив грудь, и гордо посмотрел на Акэру.

– Не знаю, пажом ты был у молодого господина или кем, здесь это не имеет никакого значения. Надумаешь пыжиться – пеняй на себя.

– Это угроза?

– Можешь считать это угрозой. Никто тут не боится пустоголового наследника.

– Обо мне можешь говорить все что угодно, но я не собираюсь слушать, как ты оскорбляешь Его Высочество молодого господина.

Акэру посуровел и оглянулся на Юкию:

– А ты чего молчишь? Может, тоже скажешь что-нибудь, господин Юкия?

Юкия в затруднении смотрел то на одного, то на другого, а когда к нему обратились, растерялся.

– Прошу прощения. Я как-то не очень понимаю, о чем разговор, вы уж как-нибудь сами… – проблеял он, и Акэру нахмурился.

– Несмотря на то, что он оскорбил Его Высочество?!

Юкия молчал, но в его глазах промелькнула скука. Не то чтобы он не мог ответить – просто не хотел. Заметив это, Сигэмару тоже не удержался.

– Нет-нет, мы не можем говорить об этом, вот и все.

Так и не поняв, почему вдруг изменилась атмосфера, Сигэмару специально сунул свой клюв в перепалку, и все взгляды метнулись к нему.

– Прошу прощения. Мы с Юкией живем в одной комнате, меня зовут Сигэмару, я тоже из северных земель. – С этими словами Сигэмару неспешно поднялся и похлопал по плечу удивленного соседа. – Я ждал, ждал, а очередь до меня так и не дошла, так что начну без разрешения. Я тоже, как и он, поступил в Кэйсоин, чтобы защищать Ямаути. И раз мы оба выросли в одинаковых условиях, позвольте мне ответить: вопрос господина Акэру очень уж сложный.

Услышав шутливую речь Сигэмару, Акэру растерялся:

– Почему?

– Так ведь таким деревенщинам, как мы, не доводилось встречать господ из дома Сокэ. Как же нам возражать и соглашаться, когда вы говорите о людях, про которых мы ничего не знаем?

Акэру умолк.

Похоже, беспечные слова Сигэмару застали врасплох и Кимитику. Он пробормотал:

– Так кому ты собираешься присягать в верности, окончив академию?

– А откуда мне знать? Ведь у меня еще три года. – И Сигэмару расхохотался. – Для начала надо стать Ямаути-сю. Знаю только, что мое место определят мои успехи. Пока неизвестно, к кому из дома Сокэ я отправлюсь служить, но, что бы ни случилось, буду доволен, если моя работа пойдет на пользу Ямаути.

Такая простая логика ошеломила всю столовую. Тут кто-то из «стволов», до сих пор сидевших молча, не смог сдержаться и фыркнул, и атмосфера разрядилась.

– А вообще, Сигэмару прав.

– Занятный парень к нам поступил!

– Кимитика, сядь. Не порть нам праздник.

Кимитика мрачно смотрел на Сигэмару, но с недовольным видом замолчал, повинуясь приказу старшего. Акэру тоже успокоили друзья, и он, пусть не смирился, настаивать все же не стал.

Когда продолжили знакомиться, Сигэмару уселся на свой стул.

– Сигэ, спасибо, – тихонько поблагодарил его Юкия.

Однако тот отмахнулся:

– Не бери в голову.

Он выпил еще чарку и уже собирался сунуть что-нибудь в рот, как подошел хмурый Итирю.

– А ну, идите-ка оба сюда.

Он вывел их из зала и отправил в купальню.

– О, отлично!

– Как хорошо!

Купальня в Кэйсоин была огромная, Сигэмару раньше таких не видел. Они с Юкией залезли в бочку[5] и расслабились, но тут распахнулась дверь и раздался недовольный возглас:

– Чего расселись? Вы хоть поняли, почему я утащил вас оттуда?

Не дожидаясь ответа, Итирю продолжил, почти крича:

– Это мне старшие приказали! Мне велели побыстрее разъяснить вам все, пока опять чего-нибудь не случилось. Они страшно рассердились!

– А мы-то в чем виноваты? Это все затеял парнишка из Западного дома, – лениво возразил Юкия.

Итирю отступил и наклонился над Сигэмару:

– А ты?

– Сигэ хотел защитить меня, а ведь он ничего не знает про жизнь при дворе, так что же еще он мог сказать? Ты, «побег» Итирю, не помог нам и зря, мне кажется, обвиняешь Сигэ.

Итирю услышал язвительные нотки в словах Юкии и застонал. Какой-то немирный получился разговор.

– Я что-то не так сделал? – робко спросил Сигэмару, но почувствовал в полумраке, что Юкия улыбается.

– Не волнуйся. Они всего лишь болтали о бессмысленной борьбе за власть при дворе.

Сигэмару удивило, что друг что-то знал об этом. И Юкия, поймав его подозрительный взгляд, смущенно почесал голову.

– Прости, что толком не сказал тебе, но мы с Итирю оба младшие сыновья наместников. Только я к тому же служил при дворе.

– Что, правда?

Теперь Сигэмару сообразил, откуда у Юкии недеревенские манеры. Великан недооценил юношу в простом уэ, а тот оказался аристократом, пусть даже провинциальным.

– Стало быть, лучше ты объясняй, а не я, давай, – подтолкнул Итирю, и Юкия повернулся к Сигэмару.

– Дело такое. Наверняка ты знаешь, что десять лет назад Его Высочество спорил за место наследника со своим старшим братом – господином Нацукой.

Юкия явно собирался объяснять все с самого начала, и Сигэмару повернулся к нему и покачал головой:

– Только слухи. Без подробностей.

Еще недавно при дворе шли жаркие споры, кто станет следующим Золотым Вороном: старший сын правителя или младший. Это самый важный вопрос для Ямаути, поэтому слухи долетали даже до окраин. И вдруг однажды было решено, что следующим Золотым Вороном станет молодой господин.

– Да, я слышал, что между старшим и младшим братьями нелады…

– А вот это неверно. Может, для тебя это странно, но отношения между Его Высочеством и господином Нацукой вовсе не плохие. Мало того, господин Нацука на удивление сильно беспокоится о младшем брате.

Юкия говорил так, будто прекрасно знал обоих. Обычно в доме Сокэ власть наследовал первый сын, но сейчас ее получил второй отпрыск, и именно благодаря усилиям старшего брата.

– Вообще-то, Его Высочество стал наследником вместо брата, потому что верховный жрец признал его истинным Золотым Вороном.

Старейшины рода Ямаути разделяют истинного Золотого Ворона и его воплощение. Считается, что у истинного властителя от рождения есть все качества, нужные для управления государством. В доме Сокэ принято передавать трон ему, даже если он не первенец или рожден

[5] В средневековой Японии «принимали ванну» в деревянных бочках с горячей водой.

от наложницы. А пока истинного Золотого Ворона нет, его пост занимает старший сын дома Сокэ, воплощение Золотого Ворона.

– Так что хотя народ привык называть правителей одинаково, истинный Золотой Ворон и его воплощение – это совсем разные люди. Причем сам верховный жрец признал Его Высочество истинным Золотым Вороном.

– Погоди-ка. – Сигэмару сжал виски. – Ты говоришь, что, когда младшего брата признали настоящим правителем, его старший брат, который должен был стать воплощением Золотого Ворона, уступил ему место наследника?

– Ага.

Если родился истинный Золотой Ворон, Нацуке нет необходимости заменять его. Сам Нацука всегда был честным и беспристрастным, совсем не интересовался властью и потому нисколько не возражал, когда престол достался младшему брату.

Но кое-кого это не устраивало.

– И этим кое-кем оказалась Госпожа в Лиловом, мать Нацуки. Она дочь Южного дома и официальная супруга правителя. А вот мать молодого господина – наложница и принадлежала Западному дому.

Вдобавок к этому сказалось и долгое отсутствие истинного Золотого Ворона. В итоге аристократия Южного дома резко выступила против отказа Нацуки от престола. В то же время Западный дом, разумеется, желал воцарения молодого господина, поэтому двор, невзирая на намерения самого Нацуки, раскололся на тех, кто защищал право старшего брата, и тех, кто поддерживал младшего.

– Вот так Южный и Западный дома стали врагами. И похоже, это дошло даже до Кэйсоин.

Юкия посмотрел на Итирю, и тот устало кивнул:

– В общем, да. Наверное, ты уже понял, что Кимитика родился в Южном доме.

– А Акэру в Западном. Кимитика за старшего брата, Акэру за младшего.

– Ох, как все это запутанно!

Сигэмару, на которого разом вывалили груду фактов, вконец перестал понимать, что к чему.

– Значит, вот что получается: у папаши есть большое поле, жена и сын-наследник. Он заводит себе еще одну женщину, и у той рождается ребенок. Но этот младший умен и талантлив, поэтому первый сын пытается уступить поле младшему. Супруга против. Свои клювы начинают совать в это дело семья супруги и семья любовницы – и ой-ой-ой! Я правильно понял?

Итирю и Юкия примолкли.

– Эк ты все изложил…

– Но, по сути, он прав. Словами Сигэ, Кимитика – родня жены, а Акэру – наложницы.

– Во, теперь до меня дошло, – довольно сказал Сигэмару.

Тогда Итирю убедительно добавил:

– А ты все же лучше не лезь к ним. Хлопот не оберешься. Если можно не трогать то, что будет вонять, умнее всего вообще к этому не приближаться.

– Хм, и правда. Пока они сами нас не трогают, мы не должны ничего делать, – сказал Юкия.

– Ладно, если мы закончили, я пойду. Ну и выносливые же вы! – Итирю встал, пошатываясь, и Сигэмару только сейчас заметил, что сам весь покрылся потом.

Приятно было после купания вернуться в свою комнату и лечь пораньше. В центре комнаты поставили старую, всю в заплатах, ширму, отдав внутреннюю половину Итирю, а поближе

к входу устроились Юкия и Сигэмару. Расстилая футоны[6], они болтали о том и о сем, и в конце концов разговор зашел о причинах поступления в Кэйсоин.

– Да, я бы тоже хотел послушать. Особенно про тебя, Юкия, – выглянул из-за ширмы Итирю. – На банкете не расслышал толком. Ты ведь не хотел сюда попасть.

Лицо сэмпая было мрачным. Сигэмару удивился и посмотрел на Юкию, а тот смущенно поежился:

– Я действительно считал, что не выдержу тренировок в Кэйсоин и просто помру. Когда мне велели выбирать между поступлением сюда и службой при дворе, сначала я выбрал двор.

– Так почему же ты оказался здесь?

– Прошлым летом я понял, что сейчас не время капризничать.

Услышав о прошлом лете, ребята посерьезнели:

– Ты про нападение обезьян? – вырвалось у Итирю, и Юкия молча кивнул.

В те дни случилось нечто, отчего все ятагарасу в Ямаути запаниковали: обезьяны напали на пару окраинных поселков, и там погибли все жители[7]. Сначала никто не понимал ни цели пришельцев, ни откуда они появились, но позже выяснилось, что погибшие ятагарасу стали кормом для гигантских зверей. Те напали на деревни, *чтобы сожрать* людей.

Страна Ямаути, границы которой, как считалось, оберегало божество Ямагами, раньше никогда не подвергалась атакам внешних врагов. Жители были потрясены. Двор бросил все силы на поиски пути, которым людоеды проникли в страну, и довольно быстро обнаружили «ход» в Ямаути. Его удалось закрыть, после чего двор публично объявил, что гигантские обезьяны больше не попадут на эту землю.

– Однако это лишь надежды аристократов Тюо, – добавил Юкия. – Просто самоутешение: якобы «мы нашли и закрыли брешь, вот было бы хорошо, если бы обезьяны к нам больше не пробрались». Конечно, они хотели успокоить народ, но теперь люди станут не так осторожны и не смогут защитить себя. Я думаю, зря объявили, что опасность исчезла.

Юкия говорил горячо, вся его беззаботность улетучилась, и в глазах Сигэмару он выглядел очень умным.

– Ясно. Так вот что означало твое «защищать Ямаути». Значит, ты тоже хочешь бороться с обезьянами.

– Ну, в целом да. Нельзя же доверить все Тюо, – добавил Юкия в ответ Сигэмару и вдруг пристально посмотрел на него. – А что значит «ты тоже»?

– Так ведь я поступил сюда затем же. Только одно не сказал: я из Садзаки, что в местности Симаки.

– Садзаки…

И Юкия, и Итирю родились в северных землях, и оба ужаснулись при этих словах.

– То самое Садзаки, на которое напали обезьяны? – растерянно прошептал Итирю, и Сигэмару кивнул.

От обезьян пострадали поселок Суго в землях Тарухи и поселок Садзаки в Симаки. По сравнению с полностью уничтоженным Суго, Садзаки лишился всего одной семьи, чей двор стоял в сторонке от других. Оттого обычно в стране вспоминали только опустошенный Суго, однако каждый ощущал, что лишь по воле случая не оказался в беде сам.

– Тот пострадавший двор у нас называли нижней усадьбой.

Сигэмару рассказал о старом доме, который когда-то был центром другого поселка рядом с Садзаки. Когда старый тракт обезлюдел, исчез и поселок, и в конце концов осталась одна

[6] Футон – тонкий матрас, который перед сном расстилают на полу в многофункциональной японской комнате, а утром убирают в стенной шкаф.

[7] Об этом рассказывается в третьей книге цикла – «Золотой Ворон».

нижняя усадьба. В последнее время они обеспечивали себя сами и виделись с соседями крайне редко.

– В то лето наместник прислал письмо: приказал проверить дома на окраине. А я из местных самый сильный, вот и отправили меня посмотреть, как там дела. Я и увидел: вся усадьба в крови, жителей никого нет, хотя коня никто не отвязал в конюшне, мухи так и бегали по его гнилому трупу. Я сначала не понял, почему пол у очага весь какой-то черный, а когда разглядел везде белые обглоданные кости, догадался, что черной-то была засохшая кровь. Мы, конечно, не слишком дружили, однако все-таки общались с тамошними жителями. Тогда вспомнил одного местного мальчика, начал бегать, кричать: «Эйта, ты где?» А потом в одной комнате, где деревянный пол почернел, как будто его залили тушью, нашел знакомый волчок. Ни в жизнь не забуду, что я почувствовал в ту минуту.

Сигэмару замолчал, но ни Юкия, ни Итирю не подгоняли его, понимая переживания юноши.

Вздохнув, тот криво ухмыльнулся:

– В общем, вот так вот. Меня и раньше много раз спрашивали: «Не хочешь попробовать сдать экзамен в Кэйсоин?» Только я всегда отказывался: не видел необходимости. Думал, если что случится, я и так справлюсь. Но после того, как своими глазами увидел, что осталось после обезьян, осознал, что был очень самонадеян.

– Значит, решил научиться драться, чтобы защищаться от обезьян? Потому что это и твоя проблема? – Итирю выглядел гораздо серьезнее, чем раньше.

– Ну что ты! – засмеялся Сигэмару. – Как ни тренируйся, с целой толпой чудищ в одиночку ничего не сделаешь. Да и когда лазейку обезьян нашли на дне колодца в Тюо, стало ясно: если по-настоящему хочешь что-то защитить, нельзя просто встать перед домом и размахивать палкой. Хотя не знаю пока, чему научусь, став Ямаути-сю. А все-таки думаю, сумею куда больше, чем просто охранять собственные ворота. Не хочу больше подбирать окровавленные волчки. И если вдруг такое случится снова, не хочу сожалеть: мол, лучше бы я не примирился с тем, что есть, а стал Ямаути-сю – может, оказался бы способен на что-то большее. Наверное, мне повезло, что я вовремя это сообразил, пока еще мог поступить сюда.

– Я тебя очень хорошо понимаю, – тихонько сказал Юкия, однако на лице его, напротив, отразилась радость, и он шутливо добавил: – Я рад, что мы подружились, Сигэ. Непременно попадем с тобой в Ямаути-сю.

Сигэмару поднял глаза на потолок:

– Только знаешь, у меня худшие баллы за письменный экзамен. Не уверен, сумею ли окончить академию.

Услышав эти слова, Юкия прыснул и звонко расхохотался:

– Не бойся, я помогу. Письменные экзамены нам не помеха!

– А ну, подъем, бездельники. В колокол уже звонили!

На следующее утро крик Итирю разбудил Сигэмару. С него сорвали одеяло, в глаза слепил яркий свет.

– Доброе утро.

– Дрыхнуть дольше сэмпая – ну и наглец же ты, «семечко»! Быстро собирайся – и на завтрак! – весело проорал Итирю и пружинистым шагом выбежал наружу.

Сигэмару огляделся, протирая заспанные глаза: соседняя постель уже убрана, а сам Юкия сменил пижаму на уэ и, выпрямившись, сидел у его подушки.

– Доброе утро, Сигэ!

– Привет. Как ты рано встаешь.

– Я чутко сплю. Поэтому от колокола проснулся, – со смехом ответил друг и протянул Сигэмару полотенце. – Сегодня церемония для новеньких, поэтому завтрак будет чуть пораньше. Идем скорее.

– Ясно.

После завтрака Итирю ушел с другими сэмпаями. Первогодков здесь же выстроили по росту прямо в столовой и ненадолго покинули. Вскоре к ним влетел один из управляющих.

– Все готово. Быстро шагайте друг за другом и не шептаться! – С этими словами он встал во главе, перед Юкией, и пошел вперед.

Новички послушно двинулись следом, и колонна направилась в большой зал, который им показали вчера.

Началась церемония. Вдоль стен просторного зала выстроились «побеги» и «стволы», а на почетном месте перед алтарем ждала шеренга пожилых мужчин – видимо, наставники. Все присутствующие были в одинаковых уэ одинакового черного цвета, и лишь наставники перекинули через плечо разноцветные ленты.

Раздалась команда, и сэмпаи дружно поклонились алтарю в честь божества Ямагами, новички тут же повторили за ними. По сравнению с сэмпаями, которые двигались так слаженно, что казалось, можно было услышать свист рассекаемого воздуха, у новичков это выходило неловко, вразнобой.

После поздравлений с поступлением в Кэйсоин наставник сообщил первогодкам правила академии и дал несколько напутствий. Сигэмару, самый высокий среди однокурсников, оглядел зал, стоя в хвосте колонны. Его позабавило, насколько отличались новички от старших ребят, пусть даже он видел их только со спины.

Назидания затягивались, и внимание новеньких стало рассеиваться. Кое-кто заерзал, однако стоявшие рядом сэмпаи даже не шелохнулись. Прямые и несгибаемые, будто внутри них какие-то стержни, спины воспитанников сразу выделялись в общей массе.

«Интересно, буду ли я таким же через год», – подумал Сигэмару, и тут наставник замолк. Затем, чтобы вручить мечи кадзё, вперед вышел другой мужчина. Ему было под семьдесят, в волосах проседь – это Сёкаку, старший наставник и глава академии Кэйсоин. Его уэ напоминало рясу верховного жреца, опоясанную темно-лиловой лентой с золотой вышивкой. Не скажешь, что он хорошо сложен, но лицо светилось умом и одновременно выглядело сурово.

От имени первокурсников выступил Акэру из Западного дома, который прошлым вечером спорил с Юкией. Он принял у Сёкаку меч без всякой робости и держался очень солидно – даже не скажешь, что он младше Сигэмару.

Подождав, пока юноша вернется на место, глава академии заговорил:

– Новые воспитанники! Прежде всего позвольте поблагодарить вас за то, что прибыли в Кэйсоин. Спасибо вам!

Как ни странно, поздравительная речь главы академии началась скромно. Он продолжил звучным голосом, глубоким для его возраста, так что обратил к себе даже взгляды тех, кто успел потерять интерес.

– Мы приветствуем вас. В этом году желающих поступить в академию больше, чем раньше. Нет сомнений, что вы – те, кто прошел все экзамены и оказался здесь, – люди талантливые, что вы наша надежда, которая определит будущее Кэйсоин. Кэйсоин верит прежде всего в независимость, самостоятельность и реальные способности. Имея способности, можно добраться до любых вершин без всяких ограничений извне. Мы клянемся в верности лишь дому Сокэ и Золотому Ворону. Но сейчас нашу страну постиг небывалый кризис.

Сёкаку заговорил тише и вдруг замолчал, медленно обводя взглядом зал.

– Вам придется защищать дом Сокэ, а следовательно, защищать Ямаути. Я надеюсь, вы понимаете, что для этого предстоит рискнуть своей жизнью. Поступайте так, чтобы остальные воспитанники не чувствовали стыда.

Закончив свою речь, глава академии вернулся на свое место. Сигэмару тихонько вздохнул с облегчением: приветствие оказалось гораздо короче, чем он ожидал. Церемония шла своим ходом, но заключительные слова прервал шум снаружи.

– Господин директор!

В зал с перекошенным лицом влетел один из руководителей, и сидевшие на почетных местах наставники зашевелились, услышав, в чем дело.

– Пропустите!

Подчиняясь указаниям, озадаченные «семечки» освободили центр. Они с испугом вертели головами, но довольно быстро появились люди в ярких одеждах. По залу пронесся шум.

– Это господин Нацука! – раздался среди шепота изумленный голос.

Сигэмару тоже оглянулся, и в глаза ему бросился необычно крупный мужчина. Тот мог похвастаться крепким телосложением, удивительным даже для немаленького Сигэмару. Одежда не скрывала его мускулы. Уэ вошедшего оказалось связано в форме куртки катиэ, голова оставалась непокрытой, наспех подвязанные волосы походили на хвост тануки[8] в зимней шкуре. Улыбка обнажала клыки, огромный орлиный нос и ярко сверкающие глаза производили неизгладимое впечатление. Иными словами, не походил он на сына дома Сокэ.

Тут Сигэмару заметил молодого человека позади первого, точно под его защитой. Вот этот уже вполне напоминал аристократа из Тюо. Он тоже был высок, хотя пониже своего спутника, и держался с достоинством. По спине сбегали ровно подстриженные волосы, поверх лиловых одежд священника наброшена золотая накидка. Словно вырезанные скульптором, благородные черты лица несли отпечаток гордости воина. Судя по одежде, первым вошел телохранитель, а позади него держался Нацука – старший сын дома Сокэ, уступивший статус наследника младшему брату.

Глава академии, а за ним и остальные наставники приблизились к середине зала, встречая процессию.

– Господин Нацука. Нам сообщили, что в этом году вы не удостоите нас своим присутствием.

– Мы быстро управились с делами и прибыли, – с ухмылкой ответил вместо Нацуки шедший впереди телохранитель. – Радуйся, директор. Это замена молодому господину.

– Ну, хватит. Отойди, Рокон.

Нацука встал перед директором, отодвинув своего телохранителя.

– Вообще-то, собирался прийти не я, а Его Высочество молодой господин. У него появились срочные дела, и он отправил сюда меня. Простите, что без предупреждения.

Для своего возраста он говорил довольно спокойно. Услышав извинения от сына дома Сокэ, глава академии медленно покачал головой:

– Что вы! И Кэйсоин, и Ямаути-сю – все мы принадлежим дому Сокэ. Для нас великая радость, что вы почтили церемонию своим присутствием. Прошу сюда.

Он указал на сиденье перед алтарем, подготовленное специально для представителей дома Сокэ, однако Нацука не спешил его занять. Он подошел к строю воспитанников и не спеша оглядел их. Отстав на шаг, за ним следовал Рокон и остальные подчиненные. Оглядев мальчиков, Нацука сам закончил речь наставников.

– Друзья-«семечки», во-первых, поздравляю вас с поступлением в академию. Я очень рад нашей встрече и горжусь ей, – звучно говорил он. – В последние годы связь между Кэйсоин и домом Сокэ ослабла. Я считаю, это было крайне несчастливым обстоятельством и для тех, и для других. К сожалению, Его Высочество не смог попасть сюда сегодня, однако намерен непременно выбрать время и посетить Кэйсоин. Ведь мы находимся на рубеже эпох.

Нацука продолжал говорить, не изменившись в лице.

---

[8] Тануки – енотовидная собака.

– Вторжение обезьян нанесло нам большой ущерб. Ни Кэйсоин, ни Ямаути-сю, ни даже сам дом Сокэ не смогут жить как прежде. Не только вновь поступившим, но и уже начавшим обучение воспитанникам придется соответствовать новому времени.

Нацука сверкнул глазами и обвел взглядом зал.

– Будучи мечами и щитами Золотого Ворона, вы и я находимся в одинаковом положении. Оберегать своего повелителя и спокойствие в стране Ямаути будем мы. Тот, кто не испытывает гордости за это, не должен получить меч. Надеюсь, здесь вы осозна́ете в себе самую горячую преданность Золотому Ворону. А пока готовьтесь!

От крика «Есть!» дрогнул воздух, и все воспитанники отсалютовали в ответ. Каждый соединил руки под грудью ладонями вверх, и этот жест означал, что третью ногу в своем птичьем облике они отдают господину. Получив от всех ребят в зале по невидимой конечности, Нацука удовлетворенно кивнул. После заключительного слова все вышли следом за главой академии.

– А господин Нацука действительно дружен с Его Высочеством! – После церемонии Сигэмару нагнал Юкию, и они вместе отправились в столовую, чтобы узнать о предстоящих занятиях.

– Конечно. Он ближайший сторонник наследника, хотя тот не любит, когда его слишком опекают.

– Я впервые вижу ятагарасу из дома Сокэ. Какой он… величавый! Хотя не заносчивый.

Пока они так болтали, у входа выросла чья-то тень. Не успел Сигэмару понять, кто это, раздался глубокий вдох.

– Вы что, еще не поняли, что вы уже воспитанники академии?

От громогласного крика затряслись колонны. «Семечки», которые секунду назад расслабленно переговаривались, подскочили и вмиг умолкли, но было уже поздно. В столовую вместе с помощником вошел наставник и заорал так, что на лбу у него выступили синие вены.

– Ишь, расчирикались, распищались, паршивцы! Да вы просто цыплята, которые только и умеют, что верещать и ныть, а потом открывать рты и ждать, когда туда положат корм.

Внезапно налетевший на новичков наставник был низковат для воина. Однако его руки, которые он важно сложил на груди, бугрились от невероятных размеров мышц, и по спине бежали мурашки при одной мысли о том, что будет, если он отвесит такой рукой затрещину.

Возрастом он был, пожалуй, чуть младше директора. В отличие от лица главы академии – строгого, с печатью глубоких размышлений, свойственных пожилым людям, – это лицо с глазами в глубоких впадинах и приплюснутым носом напоминало страшную рожу разбойника, какие рисуют в книжках. Кожа его походила на заношенную дубленую шкуру, а абсолютно безволосый череп ярко блестел.

– Почему сидите перед наставником? Встать!

Новички, которых сравнили с цыплятами, в недоумении поднялись. Тут же со всех сторон послышались крики: «Медленно! Чего копаетесь?!» Никто и не заметил, как рядом возникли четыре помощника, которые теперь сурово и внимательно рассматривали воспитанников.

– Я буду отвечать за ваши тренировки, меня зовут Касин, я наставник в Кэйсоин.

Представившись, он зашагал вдоль шеренги воспитанников, глядя на них снизу вверх.

– Гляжу на вас, желторотых птенцов, которые еще не успели стряхнуть скорлупу со своих гузок, и голова болит. Ну, ничего не поделаешь, раз уж вы мне достались. Кто еще откроет рот и запищит, натолкаю в клюв столько зерна, что пузо лопнет! Поэтому… – продолжал Касин, зашагав в обратную сторону, – чтобы такого не случилось, наблюдайте за теми, кто кормит вас, перенимайте их манеру полета и охоты. Если успеете закрыть клюв и пережевать зерна, то усвоите достаточно, чтобы выпорхнуть из гнезда.

Он резко остановился и наклонился к пареньку.

– Эй ты!

– Я!

– Что должен знать Ямаути-сю?

– А?

– На вступительных экзаменах в Кэйсоин сдавал. Ну, говори!

Но мальчик только дрожал и ничего не мог ответить.

– Быстрее! Не знаешь – так и скажи.

– Не знаю.

– Стыдись своей лени! Следующий!

Воспитанник рядом забормотал:

– Владение мечом, владение луком… э-э… верховая езда?

– И все?

– Больше не знаю.

– Ты что, курица? Не можешь запомнить, что сам делал?

– Извините.

– Не извиняйся с такой легкостью. Пускай пыль в глаза, даже если не уверен. Кто бы ни был перед тобой, не раскрывайся противнику. Следующий!

– Чтобы стать Ямаути-сю, нужно овладеть шестью искусствами, четырьмя навыками и двумя науками.

Услышав спокойный ответ, Касин молча и внимательно посмотрел на юношу перед собой.

– И что это значит?

– Шесть искусств: этикет, музыка, стрельба, управление, письмо, счет. Четыре навыка: военное дело, владение мечом, владение телом и владение оружием. Две науки: медицина и право.

Речь текла гладко, и из толпы воспитанников послышались восхищенные возгласы.

Третьим, на кого указал Касин, оказался юноша с рыжеватыми волосами – Акэру из Западного дома. Акэру смотрел прямо перед собой, и Касин какое-то время не отрывал от него взгляда, но потом кивнул:

– Верно. Как он и сказал, всякому Ямаути-сю нужно знать шесть искусств, четыре навыка и две науки. В чрезвычайной обстановке вы получите те же полномочия, что есть у гражданских чиновников. Шесть искусств вы выучите на пяти предметах: на уроках этикета и музыки, стрельбы из лука, искусства управления, каллиграфии и счета. Вдобавок вы будете тренировать четыре навыка: военное дело – чтобы усвоить тактику; владение мечом – чтобы отточить мастерство мечника; владение телом – чтобы совершенствовать рукопашный бой; и владение оружием – чтобы изучить бой на ином оружии, кроме меча и лука: копье, сюрикенах и так далее. Еще вас познакомят с двумя науками: лечебное дело – чтобы исцелять раны и болезни; а также право – чтобы знать, какие указы двора позволяют вам применять силу. Эти одиннадцать предметов и есть основа обучения в Кэйсоин. Если нужно, можете посещать дополнительные уроки. Отмечу, что со временем тренировочных занятий станет больше, чем лекционных. К тренировкам относятся пять предметов: стрельба из лука, искусство управления, владение мечом, владение телом и владение оружием. На старших курсах к ним добавятся упражнения по военному делу в виде реальных сражений.

Получалось, что из одиннадцати предметов Касин ведет почти половину.

– Любимчиков не будет. Пощады не ждите. Захотите уйти – уходите. Захотите сбежать – бегите. В Кэйсоин нет возможности держать тех, кто не готов работать.

Вдруг он заговорил тихо, и от этих слов паренек, стоявший перед Сигэмару, громко сглотнул слюну.

– Сейчас мы выдадим каждому из вас кадзё. Кого назовут, тот должен откликнуться и выйти вперед.

«Семечки» отдали честь, и им вручили по мечу. Интересно, через сколько рук прошли эти бамбуковые клинки? У кадзё, который получил Сигэмару, шнурок был новым, но на лезвии тут и там сверкали царапины.

Когда все воспитанники получили оружие, Касин подозвал своего помощника.

– Отныне на занятиях все должны носить одинаковые уэ. Быстро свяжите такие же, как у него!

При этих словах помощник поднял руки, чтобы воспитанники хорошенько его разглядели, и начал медленно поворачиваться на месте. Это уэ отличалось от уэ телохранителя Нацуки и наставников на церемонии. Рукава неширокие, без карманов тамото[9], прямые, как труба, и сужаются на локтях. Штаны хакама под коленями тоже сужались и незаметно переходили в высокие носки таби[10]. От груди до бедер тело закрывала широкая полоса с разрезами, подвязанная поясом, так что на первый взгляд казалось, будто человек одет в куртку хо.

Воспитанники начали вязать себе уэ, стараясь сделать их одинаковыми, а между ними ходили помощники учителя и указывали на ошибки. Сигэмару тоже сделали замечание:

– Важен не только внешний вид. Колени и локти должны быть толще, уэ должно плотно прилегать к телу. Старайся на совесть, чтобы получилось как на подошвах.

– Потолще?

– Чтобы защитить суставы. Переделай, свяжи несколько слоев, чтобы они поглотили удар.

Сообразив, Сигэмару взялся за дело заново, а Касин вместе с помощниками, не переставая ходить туда-сюда, стал объяснять:

– Такая форма нужна, чтобы не мешать движениям в бою и сэкономить силы. Это уэ защищает важные органы, причем безотказно. А если свяжете его как следует, оно подойдет и для церемоний, так что любая неотесанная деревенщина будет выглядеть в нем вполне прилично и даже красиво.

Убедившись, что основные ошибки исправлены, Касин еще раз напомнил, что все воспитанники обязаны постоянно носить именно такое уэ.

– Теперь подвяжем кадзё. Иногда военным приходится превращаться в воронов-коней. При этом меч должен держаться крепко и не мешать вам. На занятиях по искусству управления вас научат правильно подвязывать шнур, чтобы он мог послужить и вместо поводьев, и вместо стремян. Если увижу, что вы закрепили шнур абы как и в нужный момент он оказался бесполезен, я лично смешаю вас с ржавой пылью.

Сигэмару не мог себе представить, как можно сделать из меча упряжь, но завязал шнур, как было сказано, и прицепил меч к поясу.

Получив одобрение помощников, новички наконец стали похожи на воспитанников Кэйсоин.

Когда все закончилось, солнце стояло еще высоко. «Семечек» отвели на площадку к большому лекционному залу. Сигэмару потихоньку вздохнул полной грудью – вот теперь-то начнутся настоящие занятия! – но в тот день они услышали от Касина только два приказа: «Сбор!» и «Становись!». Двигаясь вразнобой, новички по приказу выстраивались в шеренги и разбегались, меняли место, снова собирались, строились и опять расходились. Так повторяли до захода солнца.

Когда пришла пора готовиться к ужину, ко всеобщему облегчению раздалось:

– На сегодня хватит!

К этому времени первогодки уже были выжаты досуха – скорее духом, чем физически.

---

[9] Рукава кимоно обычно очень широкие, их используют вместо карманов.

[10] Таби – плотные носки с отдельным большим пальцем.

– И что это было?

– Какой во всем этом смысл?

Однокурсники, день за днем вынужденные выполнять одни и те же приказы, недовольно бурчали, однако бесконечно скучная муштра первым днем не ограничилась. И следующий день, и всю вторую половину третьего дня они потратили на упражнения, где в них вбивали умение двигаться группой. К новому упражнению не приступали, пока их тела, получив приказ, не начали двигаться сами по себе.

«Семечкам» до смерти надоела постоянная муштра, вот только мало того, им в то же время пришлось посещать теоретические занятия. Для Сигэмару проблемой были как раз не тренировки, а утренние лекции. С утра их ждали шесть уроков: музыка и этикет, каллиграфия, счет, военное дело, лечебное дело и право. Дома Сигэмару редко приходилось читать, поэтому все эти занятия казались ему сплошным мучением. А уж сколько заданий давали наставники… Их количество превосходило все ожидания.

Поев и приняв ванну, великан возвращался в свою комнату и садился за задания, не имея даже времени поспать, но все равно не успевал все закончить. Впрочем, это относилось не только к нему: большинству ребят из семей простолюдинов также приходилось сражаться с теорией.

Со второго дня Юкия стал помогать другу с заданиями, и прознавшие об этом однокурсники, забыв о стыде, тоже обратились к нему со своими просьбами. Ни разу не выказав недовольства, юноша старался помогать всем, но вдруг наткнулся на прочную стену. Оказалось, он совершенно не умеет объяснять что-то другим.

– Не ожидал. Кто бы мог подумать, что именно здесь я буду абсолютно бессилен.

Поначалу он важно заявил, что запросто всех выручит, однако вскоре понял, что не может поладить с ребятами, хотя говорит с ними на одном языке, и схватился за голову.

– Да ладно тебе, Юкия. Мы знаем, что ты очень старался. – Собравшись в десятой комнате, ребята чуть не рыдали, представляя, как завтра их будет ругать наставник.

Один совестливый Юкия все повторял:

– Где же «ладно»?

В конце концов он стал просто давать им списывать.

Любая лекция была для Сигэмару невыносима, полюбить теорию никак не удавалось. Однако один урок стал особенным. Им оказалось занятие по этикету и музыке. Первая лекция прошла на следующий день после поступления и стала первым теоретическим занятием в Кэйсоин.

Убрав на места столики в столовой и передвинув длинные парты из угла в центр, воспитанники напряженно ждали наставника. Тут с улыбкой вошел человек, совершенно непохожий на других наставников Кэйсоин. Он сказал:

– Доброе утро. Хорошо выспались?

Лет ему было за сорок. Безукоризненно чистые волосы собраны в нетугой узел, мягкое лицо изрезано морщинками из-за улыбки, которая никогда не сходила с лица, а уэ связано по фигуре, но выглядит свободным. В общем, несмотря на довольно молодой возраст, он создавал впечатление ушедшего на покой хозяина, сидящего в глубине лавки. Однако в отличие от обычного отшельника, у этого не было правой руки. Короче говоря, наставник оказался одноруким мужчиной, умудренным опытом, несмотря на свой возраст.

– Меня зовут Сэйкэн. В этом году я буду заниматься с вами этикетом и музыкой. Если вы что-то не поймете на лекции или возникнут какие-то пожелания, можете говорить, не стесняясь. Времени нам выделили предостаточно, давайте проведем его с пользой.

Неожиданная улыбка нового наставника успокоила «семечек», на которых еще вчера полдня кричал страшный Касин. Многие растерялись, а самые понятливые быстро почувствовали некоторое презрение к скромному учителю.

– Господин учитель! – тут же поднял руку воспитанник, который еще до занятий возмущался из-за множества теоретических уроков.

– Слушаю, – все с той же улыбкой сказал Сэйкэн.

Тот быстро заговорил:

– Честно говоря, я не понимаю, зачем в Кэйсоин нужно занятие по этикету и музыке.

– Вот тебе раз! – пробормотал Сэйкэн, делая брови домиком.

Он ничуть не рассердился, и воспитанник, осмелев, продолжал все настойчивее:

– Чтобы стать Ямаути-сю, самое важное – научиться владеть мечом, разве не так? Но вчера нам даже дотронуться до мечей не дали. Если у нас есть время на эти занятия, разве не лучше потратить его на упражнения в зале?

Действительно, среди всех лекций меньше всего смысла воспитанники видели в этикете и музыке. Каллиграфия и счет еще могли пригодиться, чтобы читать приказы и считать войска на марше. Однако чем заниматься на уроках по этикету и музыке? Правильными манерами и придворной моралью?

Остальные воспитанники, тоже недовольные тем, что их ждали только муштра да лекции, зашептались.

– А еще: что у вас с рукой? – прозвучал главный вопрос, и Сэйкэн улыбнулся.

– В молодости всякое бывало.

– И несмотря на это, вы наставник в Кэйсоин?

Видимо, юноша сомневался, сможет ли однорукий учить их, будущих воинов. Сигэмару тоже не радовали лекции, и все же ему показалось, что рука не имеет к этому отношения. И вообще, это невежливо. Ему стало интересно, что сделает Сэйкэн, столкнувшись с таким поведением, недостойным воспитанника академии, однако тот и не собирался отвечать на грубость.

– Спасибо, что беспокоитесь обо мне, но из гвардии я уже ушел. Как вы догадываетесь, с таким телом нельзя быть полноценным телохранителем.

Больше Сэйкэн ничего не сказал, хотя его лицо явно выражало неловкость, и некоторые воспитанники не сдержали смешки.

– Но ничего, я справляюсь.

От этих спокойных слов смешки утихли.

– Каждый должен быть на своем месте. Конечно, если у вас есть силы, наверняка найдется место, где вы сможете их применить. Что касается меня, я потерял право служить в Ямаути-сю, однако оказался пригодным для воспитания Ямаути-сю и потому стою здесь перед вами.

Он продолжал говорить все с тем же мягким выражением лица, однако воздух вокруг него словно зазвенел от напряжения.

– В некоторых случаях Ямаути-сю обладают полномочиями чиновников. Вы будете не просто воинами. На наших занятиях вы узнаете не как обрести силу, а как использовать ту силу, которой овладели. Впрочем, это относится не только к нашим урокам, а вообще к учению, – с задумчивым видом пробормотал он, и никто не посмел посмотреть на него с презрением. – Не заблуждайтесь. Если ваша сила лишь в руках, вы ничем не отличаетесь от головорезов из Таниай. Но вы не из их числа. Кэйсоин существует не для того, чтобы растить бандитов. Наши занятия превращают неразумных, неуправляемых зверей, которым некуда девать свою мощь, в хороших людей, хороших Ямаути-сю.

Сэйкэн говорил уже спокойно и в то же время убедительно.

– Теперь, когда вы услышали мои слова, можете отказаться от моих занятий, если все еще недовольны ими. Обещаю уважать ваше мнение. Только чтобы ничто не мешало остальным воспитанникам, я попрошу вас сразу же удалиться.

Этикет и музыка – обязательный предмет, первый в списке шести искусств, четырех навыков и двух наук. Ясно было, что тот, кто выйдет из аудитории, должен будет прямиком отправиться в свою комнату, собрать вещи и сразу же попрощаться с Кэйсоин.

– Больше вопросов нет?

Сэйкэн обвел застывших учеников спокойным, но не терпящим сопротивления взглядом и чуть улыбнулся уголком рта.

– Хорошо. Тогда начнем.

В тот день Сэйкэн посвятил первое занятие знакомству с учениками и с планом. За это время он ни разу не повысил голос и не изменил своей вежливости, а когда попрощался с воспитанниками под звук колокола и вышел из столовой, почти у всех учеников осталось одинаковое впечатление. Возможно, он гораздо страшнее Касина. На следующем занятии – счете – они узнали, что Сэйкэн отвечает за все их теоретические занятия.

Шло время, первокурсники старательно упражнялись в синхронизации и готовились к лекциям. К тому моменту, как сакура, что еще недавно встретила их у ворот Кэйсоин, отцвела и покрылась листьями, ребята уже научились в совершенстве выполнять команды «Сбор!» и «Стройся!». Наконец-то им позволили начать настоящие тренировки, и первым уроком стало искусство управления.

Управлять предполагалось конями и летающими колесницами. Ямаути-сю мог заменить и коня, и всадника, поэтому на уроках воспитанники делились на пары и в воздухе по очереди менялись ролями, чтобы научиться подолгу летать.

Занятие началось с тренировки марша. Под присмотром наставника и помощников «семечки» принялись то бегать колонной по территории Кэйсоин, то летать, обернувшись птицами.

Ятагарасу теряет способность менять облик, когда садится солнце. Если закат застанет его в образе птицы, он не сможет превратиться в человека до утра, и наоборот. Поэтому строевая подготовка закончилась с заходом солнца и показалась ребятам очень долгой. Конечно, ведь сразу после обеда и почти до самых сумерек, хоть и с перерывами, им пришлось много раз обращаться то птицей, то человеком.

Сначала Сигэмару беспокоился, выдержит ли это Юкия. Простолюдины, такие как он сам, привыкли принимать птичий облик, но он слышал, что многие благородные всю жизнь проводят в образе человека, ни разу не обратившись. Например, Акэру, блиставший на других занятиях, на этой тренировке явно выбился из сил.

Часто, перебравшись в Тюо и продвинувшись по службе, ятагарасу начинали стыдиться птичьего облика. Считалось, что тот, кому не удалось заработать на достойную жизнь, вынужден обращаться в ворона и служить вместо коня. А еще на такое отношение повлияло отрубание ноги – следующее по тяжести наказание после смертной казни и изгнания из Ямаути. Виновный был обречен до самой смерти выполнять трудовую повинность, работая конем.

Третья нога, которая появлялась при обращении в ворона, признавалась доказательством божественности, подаренной Ямагами, и самым важным органом. Оттого приветствием у военных в Ямаути служил жест, изображавший подношение этой ноги. А тот, кто преступил закон, лишался ее и навсегда терял человеческий облик.

Видимо, именно поэтому аристократия, которая могла без помех вести обычную жизнь, не любила обращаться на людях. Однако простой ятагарасу понимал, что крылья позволяют ему перемещаться и работать гораздо быстрее, и не собирался отказываться от них из-за какого-то там стыда.

«Юкия говорил, что он из семьи провинциального аристократа. Интересно, как у них с этим?»

В начале тренировок Сигэмару сильно беспокоился и присматривал за другом, но его опасения оказались напрасными.

В этот раз самое сложное испытание ждало их в бамбуковой роще. Ее проредили, удалив лишние стволы так, чтобы между ними только-только мог пролететь ворон. Сверху за воспи-

танниками наблюдали наставники, и если кто-то пытался схитрить и проскользнуть над деревьями, то его тут же останавливали суровым окриком.

Те, кто хорошо владел крыльями, пробирались сквозь рощу в птичьем облике, а кто летал похуже, по пути оборачивались людьми или сталкивались со стволами. Если ворон застревал, он перегораживал дорогу летевшим сзади, так что даже привыкшему к полетам Сигэмару приходилось нелегко.

Вынужденный обернуться человеком, он побежал, держа меч в руках, но вдруг увидел, как в суматохе над его головой пролетает птичья тень. Летун двигался умело, хотя его нельзя было назвать быстрым. Однокурсники вопили, ветер разносил перья, перед глазами хлопали крылья, однако он, точно ласточка, легко уворачивался от всех препятствий. Поначалу двигаясь позади, он в конце концов сумел присоединиться к головной группе. Когда ворон обернулся человеком, Сигэмару увидел копну мягких, как одуванчик, волос.

Ошибки быть не могло, это Юкия.

– Сигэ-сан, молодец! – Приятель встречал запоздавшего Сигэмару совершенно спокойным взглядом.

– Ну ты даешь! Я смотрю – а ты уже впереди всех! Удивил!

– Мы считаемся аристократами, но все-таки относимся к военным. Так что основы вбивают в нас с детства. Ведь если военный не умеет обращаться птицей, в нужный момент от него не будет толку.

Сигэмару далеко не сразу сообразил, что для него было большой удачей подружиться с Юкией, вороном из семьи настоящих воинов. На уроках наставники не признавали силу Сигэмару и других выходцев из простонародья, что тренировались по своему разумению. На занятиях по стрельбе из лука им сразу сказали, что стоят они неправильно, и даже не разрешили взять в руки стрелы. Везде на них сердились за незнание основ, поэтому в рукопашном бою их тренировали только падать, а на уроках владения мечом заставили заново изучать, как принимать правильную позицию и держать меч. И если день за днем исправляют твою стрельбу, заставляют кувыркаться и отрабатывать позиции, кто угодно падет духом.

– По-моему, к нам все-таки по-другому относятся.

Когда наконец-то закончился первый цикл тренировок, ребята разговорились. К этому времени собрания в пустой комнате по вечерам стали привычным делом. Впрочем, это была не столько совместная учеба, сколько списывание заданий у Юкии. Сначала ребята приходили в десятую комнату второго корпуса, но после того, как просивших о помощи стало больше трех, они переместились в пустующее помещение. Обычно там встречались воспитанники невысокого происхождения из самых разных земель.

Сидя с мрачным видом перед пустым листком, куда он все еще ничего не переписал, о неравном отношении заговорил Кицубэй, которого днем на занятиях по владению мечом опять выбранил наставник.

– Что это ты вдруг? – Сигэмару поднял глаза и положил перо на тушечницу.

Кицубэй, заподозривший наставника в предубежденности, рявкнул:

– Ничего не вдруг!

Видимо потеряв терпение, он начал возмущаться.

– Я уже давно об этом думаю. Ладно еще на лекциях, тут все понятно, видно же, что Акэру и другие хорошо соображают. Проблема в тренировках. Нас ведь взяли в Кэйсоин за наше мастерство владения мечом и физическую силу, но даже не дают шанса эту силу проявить, а только нотации читают! Мне вот кажется, это их способ недовольство нами высказать, без слов показать, мол, уходите отсюда. Ну, сами посмотрите! Ведь на Акэру и его дружков наставники совсем не сердятся! Это несправедливо!

– И мне так кажется!

– И мне! – недовольно забормотали другие ребята.

– У нас я первым мечником был, а здесь меня только в позы ставят! – негодовал Хисая. Он всегда легко поддавался общему настроению.

– Вот устроили бы поединок и увидели бы нашу силу! – В разговор вступил даже Тацуто, который обычно не досадовал вслух.

– Этот проклятый Касин, по-моему, нас за дураков считает! – Кицубэй совсем разъярился, и Сигэру, глядя на него, подумал, что дело принимает совсем уж нехороший оборот.

Он всегда тонко чувствовал, к чему вот-вот приведет недовольство, поэтому захлопал в ладоши, чтобы разогнать сгустившуюся атмосферу.

– Ну-ка, ну-ка, хватит жаловаться, работайте лучше. Если уверены в себе, так покажите свою силу в разминочной схватке.

– Сигэ, так ведь мы даже не знаем, дадут ли нам поучаствовать в ней!

– Или тебе все равно?

Остальные сердито посмотрели на Сигэмару, и он не нашелся что ответить.

Как-то само собой вышло так, что обращение «Сигэ» от Юкии переняли и другие ребята. На него уже давно смотрели как на человека, который может разрешить все проблемы. Конечно, он не стремился к стычкам с благородными, но тоже имел к ним кое-какие вопросы.

В то время как Сигэмару и его друзья корпели над заданиями, воспитанники аристократического происхождения добросовестно справлялись и со всеми лекциями, и с тренировками. А самым способным оказался Акэру из Западного дома, которого можно было назвать представителем всех благородных воронов. За исключением занятий по управлению, никто ни разу не видел, чтобы наставник делал ему замечания. Измотанные простолюдины стали бросать на него не то завистливые, не то ненавидящие взгляды.

Именно на таких простых ребят, как Сигэмару, чаще всего кричал наставник, будто плюясь огнем. Вполне естественно, что даже без всяких предубеждений в конце концов все начинали подозревать, что здесь что-то не так.

Пока Сигэмару раздумывал, что ответить, прозвучало усталое:

– Ну, как вы тут?

Это вернулся Юкия после недолгого отсутствия.

– Хотел попросить чая, а мне на кухне выдали сушеных картофельных ломтиков. Может, сделаем перерыв?

Юкия добродушно улыбался, и ребята, которые только что злословили о благородных, неловко отвернулись от него. Среди них никто не мог плохого слова сказать о Юкии, который только и делал, что помогал им.

– Что-то случилось? – Юкия заметил странную атмосферу.

– Нет-нет, ничего такого, – поспешно заявил Хисая, но Сигэмару решил, что имеет смысл узнать мнение Юкии.

Он честно рассказал другу о возникшем недовольстве, и тот, ничем не показав, что ему не нравится, когда плохо говорят о благородных воронах, спокойно ответил:

– По-моему, все не так. Мне кажется, сейчас вас готовят к состязаниям перед правителем.

– К состязаниям перед правителем?

– Мы же в Кэйсоин! – засмеялся Юкия. – Телохранители дома Сокэ не могут быть как головорезы. Мы изучаем не драки, а благородный бой, поэтому вполне понятно, что замечания делают тем ятагарасу, которые не получили надлежащего обучения. Хотя, конечно, ваше раздражение понятно.

Юкия будто успокаивал их.

– Главное, что из-за неправильно заученных движений потом будут травмы, так что лучше послушно следуйте указаниям. Учитель Касин, конечно, резок на слова, а все-таки неверных замечаний он ни разу не сделал.

– Думаешь?

Сигэмару не знал, верные ему делают замечания или неверные. Но Юкия, глядя на озадаченных товарищей, бодро сказал:

– Не волнуйтесь. Акэру действительно не исправляют. Только это не потому, что он сын Западного дома. Я думаю, что он еще до поступления брал уроки у отличного учителя. Его просто нет необходимости переучивать.

Ребят немного успокоило, что любимчиков у наставников нет, но в то же время потревожила мысль: вот, оказывается, как проявляется разница между ними.

Юкия продолжал, не обращая внимания на задумавшихся товарищей:

– Догадываюсь, что вас беспокоит разница между вами и аристократами, но, если человек демонстрирует образцовые движения в зале, это еще не значит, что он силен в бою. Наверняка, если дело дойдет до разминочных поединков или боевых схваток, вы легко одолеете их.

– Думаешь?

– Так ведь они же к дракам непривычные.

Юкия прищурился, уголки губ поднялись вверх, однако теперь это совсем не было похоже на улыбку.

– Если долго наблюдать за другими воронами, примерно понимаешь, кто на что способен в деле. Ведь действительно, всех вас взяли сюда за ваши умения. Скорее всего, по физическим возможностям вы одни из лучших.

– А ты что, на занятиях наблюдал за остальными? Я, например, только о себе успеваю думать, – удивленно заметил Кицубэй.

– Если исключить ребят вроде меня, которые происходят из воинских семей и благородные только по названию, наверняка Акэру и его товарищи довольно скоро покажут свои истинные лица, – уверенно заявил Юкия, и ребята переглянулись.

– Ладно. Поверим Юкии и постараемся сделать все что можем. Да? – Сигэмару оглядел друзей, ища согласия, и даже те, кто возмущался, послушно закивали: «Да, попробуем».

Неизвестно уж, насколько прав был Юкия, однако ему удалось убедить сокурсников, так что Сигэмару пока мог не беспокоиться. А всего через несколько дней они убедились в том, что *почти все* слова Юкии попали в цель. Действительно, довольно скоро стало ясно, что наставники вовсе не относились к воспитанникам по-разному. Ребята из простолюдинов, освоившие правила нападения, тоже понемногу стали участвовать в разминочных поединках.

Технику осваивали, сражаясь деревянными мечами бокуто, а на тренировочных поединках и ради отработки ударов дрались бамбуковыми синаями. Сигэмару радовался, глядя на махавших оружием товарищей, оживших, словно рыбы, попавшие в воду, и тут произошло нечто заставившее их признать почти полную правоту Юкии.

Среди дружков Акэру, которые один за другим терпели поражение от простолюдинов, он один продолжал сохранять свое положение лучшего бойца. Те, кто завидовал Акэру, вызывали его на бой, как только получали право участвовать в разминочных поединках, но никто так и не заработал ни очка.

– Может, он и не привык к дракам, зато он точно привык действовать мечом в зале. – Во время перерыва один из ребят, вытирая с лица пот полотенцем, обратился к Юкии, и тот ухмыльнулся.

– Это верно. Он явно много тренировался.

Юкия посмотрел на Акэру, о котором шла речь. Тот сидел с недовольным видом: похоже, злился, что его друзья предстали перед всеми в неприглядном виде.

– Пожалуй, я его недооценил, – пробормотал Юкия.

В ответ Сигэмару заметил:

– Извини, я сейчас скажу как более опытный, но это ведь как раз ты не смог толком бороться с ним сегодня, так?

– А ты что, смотрел?

– Да, пока ждал, когда меня вызовут. По-моему, тебе надо поднажать.

Несмотря на уверенные слова вне зала, способности Юкии во владении мечом были далеко не выдающимися. Удары он наносил правильно, двигался быстро. Честно говоря, до тех пор, пока они не перешли к тренировочным боям, Сигэмару не предвидел у друга никаких проблем. Однако, когда начались поединки, Юкия избегал сам нападать на противника. Заметив, что парень держится в обороне, наставник громко выбранил его, но тот лишь улыбался и остался при своем.

Возможно, как раз именно Юкия не привык к дракам. На экзаменах в Кэйсоин больше внимания уделялось практике, а не теории. До сих пор Сигэмару было не до того, так как он беспокоился о себе. Однако увидев, что переход Юкии в следующий класс под вопросом, он заволновался о друге.

– Не волнуйся, до «испытания ветром» я что-нибудь сделаю.

Об исходе экзамена не беспокоился, кажется, он один.

Тем временем перерыв закончился. Они вернулись в зал. Несмотря на то что помещение проветривали, запах пота никуда не уходил. Уже привыкшие к порядку, не дожидаясь указаний, ребята надели защитные щитки до на животы и перчатки котэ, а головы закрыли уэ.

Сигэмару думал, что после перерыва они снова вернутся к тренировочному бою, тем не менее, вопреки его ожиданиям, объявили турнир. Обычно побеждал тот, кто первым получал два очка. Однако учитель решил дать воспитанникам привыкнуть к этой форме занятий и установил такой порядок, чтобы каждый непременно провел три боя, вне зависимости от того, кто первым получит очки. В центре зала встали наставники, образуя прямоугольное место боя. Воспитанники расселись позади, подальше от четырехугольника, и Сигэмару вместе с Юкией оказались в первом ряду зрителей.

Главный судья Касин встал в центре и начал вызывать воспитанников.

– Акэру из комнаты 2–3, вперед. Тебе красный.

Акэру, видимо ожидавший услышать свое имя, поднялся, как будто иначе и быть не могло, и принял от помощника учителя красный пояс.

– Тиха́я из 1–1. Вперед. У тебя белый.

Соперником Акэру оказался какой-то первогодок, которого Сигэмару толком и в лицо не знал. Вроде сталкивались где-то на занятиях, но разговаривать с ним, кажется, не доводилось, и как тот представлялся во время общего знакомства, тоже не вспоминалось. Поняв, что парень не производит никакого впечатления, Сигэмару стал наблюдать. Тот выглядел довольно тихим и молчаливым, рот был сжат в тонкую линию, так что создавалось ощущение, что его не раскрывали с рождения. Высокий рост, ладно скроенное, поджарое тело, лицо вытянутое, скулы острые – видимо, оттого казалось, что он худощав, причем какой-то нездоровой худобой. Из-под свисавшей на лицо челки остро смотрели глаза с полосками белков, заметными под зрачками.

Раз наставник вызвал их для боя первыми, надо было полагать, что сейчас эти двое владеют мечом лучше других однокурсников.

Повязав белый пояс, Тиха́я встал перед Акэру, который уже ждал его на линии. Убедившись, что оба партнера готовы, Касин переглянулся с другими судьями и обменялся с ними кивками.

– Начинайте!

Одновременно с объявлением начала соревнования Акэру издал боевой клич. Однако Тиха́я смотрел на него все так же молча и не двигаясь с места. На миг на лице Акэру мелькнуло удивление, но он тут же бросился в атаку. Юноша был проворнее многих воспитанников. Легким движением налетев на противника, он энергично опустил свое оружие вниз, однако в следующее мгновение его синай вонзился в пустоту. Это заняло одно мгновение. Тиха́я, чуть изогнув тело и увернувшись, держа меч левой рукой, одним движением ткнул Акэру в живот.

Раздался отчетливый звук удара, и оба судьи одновременно подняли левые руки с белыми повязками.

– Одно очко белому.

Все произошло так быстро, что зрители с трудом уловили, что случилось. Тиха́я, дождавшись, когда главный судья поднимет левую руку, поправил ворот, который ничуть не сбился. Акэру недоумевал, но тут же сжал губы и вернулся на линию.

– Начинайте!

Теперь в ответ на выкрик судьи Акэру промолчал. Не нападая, он двинулся вперед, мелко ступая, из-за чего стал подрагивать кончик меча, и внимательно наблюдал за противником.

И тогда Тиха́я тоже тронулся с места. Он легко сделал шаг вперед, будто на прогулке, перебросил меч, который сжимал двумя руками, в правую руку и одним ударом выбил синай прямо из-под носа Акэру. Вращаясь, меч полетел в наблюдателей, и, когда оружие упало посреди отпрянувшей толпы, Тиха́я легко сорвал маску с безоружного Акэру.

– Что это было? – пробормотал кто-то, но Сигэмару и сам ничего не понял.

Разница между соперниками была очевидна. Акэру, практически мгновенно лишившийся двух очков, выглядел ужасно. Обычный бой до трех очков на этом бы закончили, но сейчас оставалась еще одна схватка.

Снова взяв в руки оружие, мечники встали друг перед другом, и выражения их лиц были абсолютно противоположны. Во взгляде Акэру виднелась решимость нанести хотя бы один удар. Он явно не собирался успокаиваться, если ему это не удастся. Тиха́я же особых чувств к сопернику, очевидно, не испытывал.

В третий раз прозвучало: «Начинайте!» – и Акэру с пронзительным криком бросился на Тиха́ю. Тот даже не принял защитную позу. Не уворачиваясь от стремительного кончика меча Акэру, Тиха́я лишь чуть наклонил голову и, держа синай одной левой рукой, нанес удар Акэру в висок. Акэру отлетел и, даже не успев сгруппироваться, рухнул на пол так, что все переполошились.

– Очко белому. Эй, ты цел? – Сначала объявив о победе, Касин подбежал к Акэру.

Тот, похоже, обошелся без травм и уже поднимался, хотя на лице его было написано полное непонимание произошедшего. В то же время взгляд Тиха́и, который вернулся на линию, даже не посмотрев на Акэру, все так же не выражал никаких чувств.

Соперники поклонились друг другу, и бой окончился, однако никто, даже наставники, не ожидал такого результата. Учителя посовещались и стали приглашать воспитанников одного за другим, но Тиха́ю и Акэру больше никто не вызывал.

– Ну ты даешь!

– Силен, оказывается!

– Кто тебя учил биться на мечах?

После боя все заинтересовались Тиха́ей. Его хотел расспросить каждый: и кто не был особо расположен к Акэру, и кого просто потрясли умения его противника. Сам юноша молчал под градом вопросов, однако его реакция не смущала окруживших воспитанников, и они продолжали шуметь.

Возвращаясь из зала после вечерних занятий, ребята оказались недалеко от компании вокруг Тиха́и.

– Вот черт! Я больше всего хотел врезать Акэру!

– Эх, еще бы разок попасть, и я бы победил! – скрипели зубами Кицубэй и Хисая.

– Значит, вам тоже не сравниться с Акэру, – вздохнул Тацуто.

– Заткнись!

– Ты чего, Хисая? Сам-то ни разу не победил никого!

Сигэмару чуть отстал от занятых перебранкой товарищей и посмотрел на Акэру.

– Как он, интересно?

Тот молчал, держа у виска смоченное водой полотенце, но его дружки злобно посматривали на веселенькую группку рядом с Тиха́ей.

– Тиха́я был осторожен. Думаю, серьезной травмы там нет. Проблема скорее в том… – заговорил Юкия, но вдруг моргнул.

– Хм?

Проследив за его взглядом, Сигэмару невольно вскрикнул. Возбужденные «семечки» разом примолкли. От столовой к ним направлялся Кимитика из дома Минами-Татибана, неизвестно откуда узнавший о происшедшем.

– Тиха́я! Говорят, ты отличился?

Окружившие юношу первогодки оробели при виде сэмпая и отступили на шаг. Не обращая на них внимания, Кимитика фамильярно похлопал Тиха́ю по плечу:

– Я слышал, ты поставил на место богатенького сынка из Западного дома. Это правда?

Тот ничего не сказал, однако Кимитика поднял глаза и весело окликнул ребят, которые пытались незаметно проскользнуть мимо:

– Эй, Акэру, это правда?

Акэру резко остановился и оглянулся на Китимику, даже не пытаясь скрыть раздражение.

– Да, я проиграл. А что?

– Ясно, ясно. Отличная новость. Могу объяснить, если ты не понял, дружок. Ты продул горному ворону, который служит моему дому.

И Кимитика указал подбородком на молча стоящего рядом Тиха́ю. Значит, он простолюдин и служит дому Минами-Татибана, который поддерживает Нацуку.

– Вот ему-то ты, гордый своей преданностью молодому господину, никак не должен был проиграть ни как сторонник наследника, ни как благородный ворон. Что же ты так осрамился, а?

Кимитика противно захохотал, и Акэру на миг потерял самообладание, губы его задрожали. Но затем он тихонько выдохнул и пришел в себя.

– Я вижу, ты рад моему поражению, но должен огорчить: тебе недолго радоваться.

– Чего?

– Его Величество решил передать престол молодому господину.

– Что?!

– Вот-вот сделают официальное объявление. Интересно, как долго после этого смогут пускать пыль в глаза господа из Южного дома? – отчетливо произнес Акэру без тени колебаний.

Похоже, Кимитика впервые слышал об этом: на его лице отразилось удивление. Воспитанники вокруг ждали ответа затаив дыхание, но не выдержали и зашумели.

Глядя на них уголком глаза, Акэру чуть улыбнулся.

– Это правда. Молодой господин не посетил церемонию посвящения, потому что совет никак не мог решить этот вопрос.

Кимитика ничего не ответил, видимо что-то обдумывая, а Акэру перевел взгляд на безмолвного Тиха́ю.

– Друг мой, твоя сила впечатляет, но мне очень жаль: все твои хозяева могут потерять свои места. Какая досада – служить невезучим господам. Надо было тебе прибиться к единомышленникам молодого господина, – с иронией сказал Акэру.

Все так же глядя себе под ноги, Тиха́я пробормотал:

– Меня не интересует ни сторона Нацуки, ни сторона молодого господина.

Акэру выпучил глаза, но еще больше, кажется, удивился Кимитика.

– Эй, ты что болтаешь?! А ну, иди сюда! – И Кимитика, не попрощавшись с остальными, почти потащил за собой Тиха́ю.

Сигэмару проводил их удивленным взглядом и промычал:

– Странные дела творятся, нет?

Глядя на этих двоих, явно не доверяющих друг другу, Сигэмару ощутил, как его охватывают неприятные предчувствия. И они оправдались через каких-то полкоку[11] за ужином.

– Ты не увлекайся! Держи себя в руках! – Во время уборки в столовой прозвучал злобный голос, и все обернулись.

– Что там такое?

– Драка?

За собой уже убрали наставники, за ними «стволы» и «побеги», так что сейчас в столовой остались только «семечки». Однако Сигэмару заметил уже знакомого парня с орлиным носом. Тот стоял руки в боки, лицо его покраснело.

– Это же Тиха́я и «побег» Кимитика.

– А где все дружки Кимитики?

– Когда надо, их никогда не бывает рядом.

Пока Сигэмару перешептывался с Юкией, спор Кимитики и Тиха́и становился все напряженнее.

– Еще раз говорю тебе, Тиха́я! Убери немедленно мой столик!

Голос Кимитики дрожал: видимо, он изо всех сил сдерживался, чтобы не закричать. Однако Тиха́я и глазом не моргнул на эти угрозы и продолжал сидеть на месте.

– Не буду.

– Это почему?

– Потому.

Окружающие услышали мало, но поняли, что Кимитика заставляет юношу привести в порядок столик хозяина, а Тиха́я упрямо отказывается.

[11] Коку – единица времени. В разные эпохи представляла собой разные промежутки: 1/100 суток, 1/48 суток, 1/36 суток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.